

КАТЯ ВЕРЕСК

МОЯ *Не* ХОРОШАЯ

1. Лера

«Побуду вашим котиком. Уборка, стирка, глажка в тематических костюмах».

Декольте поглубже, так, что упругие небольшие груди едва не выпрыгивают на свободу. Черный корсет утягивает и без того тонкую талию. Коротенькая юбочка с белоснежной пышной подкладкой, пошлый передник с оборками. Когда я нагибаюсь, чтобы смахнуть пыль на нижних полках, взгляду открывается край чулок, а иногда и попа без единой ямочки и изъяна. Накладные ресницы, карие линзы — на самом деле мои глаза серые, как январский лед. Парик — каштановое каре. Мои натуральные волосы длинные и светло-русые. В общем, без макияжа и боевого облачения я совсем не такая, как на работе, и выгляжу лет на пять моложе. Клиенты точно не узнают.

Да они и не смотрят на лицо. Пока я убираюсь, они всю глядят мне под юбку. Или в декольте.

Все, но не он.

— Где нужно убрать, Максим Георгиевич? — я пропеваю льстивым голоском и улыбаюсь.

Очень важно улыбаться правильно: не слишком робко, но и не чересчур развязно, чрезмерная доступность клиентам не нравится. Каждому из них хочется быть первым, быть завоевателем и соблазнителем.

Максим Георгиевич не улыбается в ответ. Стоит в дверях, скрестив руки на груди. На вид ему лет тридцать пять, он высок и атлетически сложен — наверное, спортсмен в прошлом. На твердом, жестко очерченном подбородке и крепкой шее темная щетина.

Он не похож на других: холодный и отстраненный. От него прямо-таки тянет ледяной уверенностью и первобытной мощью. Такой не думает, он берет всё, чего ни пожелает. Такой привык подчинять.

Прищур его темных, синих глаз заставляет меня цепенеть, а сердце — биться чаще, хоть я и не трепетная лань. Этот мужчина — охотник, он изучает и оценивает. Даже сейчас, когда он стоит неподвижно, его тело дышит силой. Готовый к прыжку хищник, вот что приходит на ум.

Хотя, уверена, женщины сами на него прыгают, достаточно лишь приподнять бровь.

Опасный, обычно я обхожу таких стороной. Но теперь-то куда деваться? Уже приехала, пора браться за работу...

— Просто Макс, — поправляет он. Проводит рукой по коротким темным волосам, и я невольно обращаю внимание на его сильные пальцы и крепкие, жилистые запястья. На одном тускло блестит серебряный браслет — с мой мизинец шириной, без рисунка. — В зале и спальней.

Очнувшись от наваждения, киваю и беру пластиковое ведро.

— Где можно его наполнить? — все так же мило улыбаюсь.

— По коридору налево, последняя дверь справа, — «Просто Макс» указывает примерное направление, и я спешно удаляюсь.

Ванная у него большая: раковина врезана в столешницу из белого камня, в одном углу встроенные полки для всякой мелочи и полотенце, в другом — душевая кабина, в третьем — джакузи. Рядом висит одно полотенце, хотя крючков два. Либо девушка приходит к нему ночевать, либо он недавно с кем-то разошелся. Скорее, второе — приходящая девушка обязательно оставила бы зубную щетку. А здесь в стаканчике всего одна. На полках куча баночек и бутылочек, за ними пылится женский шампунь. Его давно не использовали.

Пока ведро наполняется, от нечего делать открываю и нюхаю Максов гель для душа. Приятный аромат, древесный. Одергиваю себя. Я что, только что подумала, как было бы интересно почувствовать его на коже? И вообще, понюхать Макса...

Выкинуть эту мысль из головы. Ты сюда не за сексом пришла, Лерочка. Возьми себя в руки.

Возвращаюсь в комнату, ставлю ведро на пол — оно мне пока не понадобится — и беру метелку для пыли.

Макс сидит в кресле, широко расставив длинные ноги. Читает «РБК», развернув газету так, что лица не видно. Странно, он даже не пытается посмотреть на меня, ему словно все равно. С таким же успехом я могу убираться в костюме химзащиты, Макс не заметит разницы.

Тогда зачем меня вызвал?

Смутно вспоминаю голос звонившего. Он не был похож на голос Макса. Звонивший много смеялся, спрашивал, на самом ли деле я выгляжу именно так, как на фото. С кем-то советовался, опять смеялся...

Сам Макс не смахивает на весельчака. Он больше похож на норвежскую скалу. Или на ягуара, который неспешно бродит по логову.

Скорее всего, звонил друг. Заказал для Макса девочку, а тот не слишком-то и рад.

Не очень хороший расклад.

— Хотите, я заварю вам чаю? — предлагаю я.

Макс загибает угол газеты, внимательно смотрит. От его взгляда снова бросает в томную дрожь.

— Нет, благодарю, — качает головой, но мысль о каком-нибудь напитке уже прочно засела в его голове. Проверено, уж я-то знаю. Через несколько минут он все же откладывает газету, идет к шкафу, откупоривает бутылку красного и наливает немного в бокал.

Я старательно полирую дверцу шкафа, а сама слежу за Максом краем глаза. Он пробует вино, затем, едва заметно вздохнув, потирает лицо ладонью. Его словно что-то беспокоит. Теперь ясно, почему мои уловки не работают, — Макс просто не до меня. Жаль, очень жаль.

«Побуду вашим котиком. Уборка, стирка, глажка в тематических костюмах».

Мужчины всегда на это ведутся. Красивая полуголая девочка, такая беззащитная в своей пышной юбочке, которая едва прикрывает попку. И такая милая в белом кружевном чепчике, перекочевавшем на мою голову прямо из секс-шопа. Или с меховыми ушками и розовой помадой. Или с парой туго заплетенных косичек, которые наверняка напоминают моим клиентам об одноклассницах. Вот только одноклассницы давно разжирели, а тут появляюсь я, такая молодая, доступная и вроде бы готовая на все.

Эта ошибка их и губит.

В глубине дома звонит телефон. Макс оставляет бокал и быстро выходит из гостиной. За стеной слышно его низкое «алло».

Быстро, пока он не вернулся, я достаю из передника пластиковую

капсулу, разламываю ее над бокалом. Порошок из белого становится розовым и быстро смешивается с вином. Без цвета и без вкуса, идеальная добавка.

Из соседней комнаты слышатся шаги. Я прячу пустую капсулу в передник, хватаю метелку. Когда Макс входит в комнату, я уже смахиваю пыль с верхних полок книжного шкафа. Максимально эротично — мне надо, чтобы он думал о моей попе и прихлебывал вино.

Я осторожно оборачиваюсь через плечо. Он все-таки смотрит. Встретившись со мной взглядом, отворачивается, берет бокал и возвращается в кресло.

Теперь надо продержаться минут пятнадцать, не больше. Я выхожу в коридор и просто вожу шваброй по и без того чистому полу, имитируя деятельность. Швабра шуршит, изредка плещет водичка — ах, какая Лерочка хозяйюшка, сама на себя не нарадуюсь! С чувством зеваю. Потом в обнимку со шваброй скольжу к гостиной и заглядываю внутрь.

Макс сидит в кресле. Сильные руки лежат на подлокотниках, глаза закрыты, бокал стоит на столике рядом. Грудь мерно вздымается и опускается.

Уснул? Похоже, что да.

Отлично!

Швабра тут же летит на пол, а я иду в спальную, стягивая перчатки на ходу. Тоже бросаю их на пол — больше они не потребуются.

Спальная у Макса неприлично большая. Вообще, похоже, у него всё большое. Может, компенсация за кое-что другое? У окна огромная кровать, на которой могут улечься в рядок все жильцы моей коммуналки. Напротив туалетный столик с разной мелочью.

Приметив черную коробочку для часов, я хватаю ее и валюсь на кровать. Матрас проминается очень приятно, а покрывало восхитительно нежное и пахнет Максом. Надо забрать его с собой, делаю себе пометку и открываю коробку. Часы в ней — «патеок филипп», бриллианты, белое золото, миллиона на четыре потянет. Я ликую — вот это джекпот!

Часы летят в карман передника, а я уже выдвигаю ящички стола. Ловко выуживаю запонки из специальной подставки (плюс миллион),

снова часы. Еще бы найти его кредитку или, еще лучше, наличные. У каждого есть заначка. Сейф вскрывать я, конечно, не полезу, но вот пачку купюр есть шанс отыскать...

И это не я такая сучка, это жизнь заставила. Каждый выживает, как умеет, да и выбора у меня особо нет. Попал один раз к Лёне Воробьеву, задолжал ему денег — всё, век не выберешься, так и будешь на него работать.

Из мыслей меня вырывает кашель. Он раздается от двери. Аккуратный, с выражением, он пунктиром пронзает тишину.

Я замираю, не в силах пошевелиться. Не нужно паники, говорю себе, только не сейчас. А сама опускаю коробку из-под запонок на место. Сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди, ладони влажные, пальцы подрагивают. Медленно поворачиваюсь, и меня встречает уже знакомый арктически-ледяной взгляд.

— Часы, — говорит Макс и указывает на мой передник.

Дорогие мои читательницы!

Если роман вам понравился, не забудьте добавить его в библиотеку, а также кликнуть на кнопку “Мне нравится”! Мы с музом будем очень рады вашим комментариям и лайкам! Порадуйте автора, а автор порадует вас новыми романами.

Для того, чтобы отслеживать мои обновления, нажмите кнопку “Отслеживать автора” на моей странице!

Всем хорошего дня и котика!

2. Макс

«Побуду вашим котиком».

Вот с чего Женька решил, что уборка в костюме из секс-шопа мне дико понравится? Я что, похож на озабоченного японца? Эти-то известные извращенцы, им только дай нежную девочку-школьницу. И неужели это кого-то возбуждает? Вообще вся ситуация очень... странная. Мне казалось, что на порно-горничных падки только злостные онанисты и фетишисты.

Ну а мне-то она зачем?

Разглядываю пришедшую девочку. Небольшого роста, ладненькая, с острым подбородком и пухлым ротиком, блестящим от глянцево-алой помады. Она напоминает маленького хищного зверя, когда улыбается. Походит на него белыми острыми зубками и столь же острым, цепким взглядом. Им она ощупала меня с ног до головы. Мне это не в новинку.

Теперь глаза она старательно отводит, но не слишком быстро. Хочет, чтобы я заметил, какие они у нее красивые — чуть миндалевидные, обрамленные длинными ресницами. Темные, почти черные, слишком густо подведенные.

Вообще я не люблю макияж на девушках, он их старит. Получаются лица-маски, лишенные всяческой индивидуальности. Встречаешь одну мадам, а наутро просыпаешься совсем с другой, и это еще повезло, если она накануне смыла краску с глаз. Не то тушь (и что там еще было наштукатурено) осыпается, и привет, красноглазая панда с перегаром.

Вот с фигурой другое дело: ее не нарисуешь. У «котика-на-час» с телом проблем нет, и она это знает. Чулки обтягивают длинные ноги, ровные подтянутые бедра, и задница, я уверен, такая же подтянутая. По ним хочется провести рукой, забраться под пошлую оборчатую юбку. Проверить, стало ли влажно в трусиках этой девочки.

От этой мысли я слегка возбуждаюсь. Член наливается горячей тяжестью, дыхание сбивается, становится глубоким.

Снова смотрю на тонкую талию, на небольшие полукружья груди. Снова замечаю на себе ответный взгляд.

Она же этого и хочет — чтобы я обратил на нее внимание. Может, спонсора ищет, надеется, что я западу. Глупая.

Словно в знак протеста, я достаю газету, разворачиваю и тупо смотрю на убористые строчки. Те сливаются в черные, неразличимые полосы, смысл их ускользает из сознания.

Думаю я только о горничной.

Интересно, сколько ей заплатили? И она на самом деле хочет секса или же лишь прикидывается? Не понимаю. Я-то, конечно, могу растянуть ее на столе и как следует трахнуть. Надо было уточнить у Женьки, оказывает ли девочка еще какие-либо услуги, кроме уборки.

А теперь уже поздно.

Я отгибаю угол газеты и украдкой смотрю на девушку. Теперь она протирает пыль на книжной полке. Нет, она не школьница, лет двадцать пять уже стукнуло. И чувствует себя с голым задом вполне уверенно, профессионалка. Эскортница? Может быть.

Зря не уточнил, вот зря. Я бы усадил ее на себя, сорвал к чертям дешевый корсет. Лизнул затвердевшие соски, как конфеты.

А вина не хочется, на самом деле. Сам не понял, зачем налил, так что теперь просто кручу ножку бокала в пальцах. Опять ноют виски — последнее время голова раскалывается слишком часто. Может, кстати, от того же вина, выпитого накануне. Сколько же можно бухать. Поэтому я ставлю нетронутый бокал, откидываюсь на спинку кресла и прикрываю глаза в надежде, что боль утихнет. Так действительно становится легче, и я просто лежу. Плыву во тьме и забытьи.

Швабра теперь шуршит в коридоре. Шурх-шурх. Звонкий плеск воды.

Мысли возвращаются к полуголой горничной. К ее аккуратной попке, которую хочется шлепнуть. Как наверняка покачиваются ее груди, когда она ритмично моет пол. Хотя в корсете они наверняка не покачиваются, но если распустить шнуровку на спине, и заставить мыть полы нагишом...

Хочется громко выругаться.

Женька заказал мне эту девицу. Зачем? Моя прислуга и так справляется, да и член у меня встает исправно, без тематических костюмов и прочей шелухи. Вот как сейчас — поднялся, хрен успокоишь.

Это Женька из-за нашего последнего разговора. Точно. Выпили в пабе в прошлую пятницу, и я разговорился. Стал развод вспоминать, про Марину расспрашивал, про мужика ее... Вел себя, как идиот, короче. А на самом деле, в последнее время отношений не хочется. Не тем голова занята: в бизнесе проблемы, проект застопорился, и новых тендеров не дают... Дел хватает, короче, не до баб. Вот честно.

Я повторяю это так часто, что почти себя убедил.

Марина ушла полгода назад, а я до сих пор помню тот день, словно он был вчера. «Ты всегда останешься моим другом, — так она

сказала, заталкивая вещи в чемодан. — Очень близким человеком». Как будто мне от этого стало легче. Что ей не нравилось? Секс? Не верю, не хочу верить. В сексе у нас всегда был порядок. Деньги? Она покупала все, что хотела, у нее не было ограничений.

Да, тогда у меня было много работы, я часто пропадал в командировках и на встречах. Но это было и для нее тоже. Ведь именно на эти деньги она покупала шубы, которые потом так старательно упаковала в чехлы и отдала грузчикам из мувинговой компании.

И как же быстро она нашла мне замену.

Что-то на границе сознания тревожно ворочается, не дает расслабиться. Я потираю шею и нехотя приоткрываю один глаз.

Шурх-шурх швабры стихло. Когда успело? Я пропустил этот момент. Неужели задремал?

И куда пропала моя полуголая горничная?

Выбираться из кресла лениво, поэтому вытаскиваю телефон из кармана и открываю приложение видеонаблюдения. Пролистываю камеры.

Горничная находится в спальне, но занята она совсем не уборкой.

«Вот это уже интересно!» — с восхищением думаю, следя за тем, как ловко горничная распахивает по карманам мои часы и запонки. А казалась такой дурочкой, я же почти поверил. Ее выдавал только взрослый злой блеск в глазах, как у юркого зубастого хорька.

Взгляд у «котика-на-час» вполне настоящий.

3. Лера

Скачано с сайта knigomania.org

Попала так попала. Лера, твоя попа — просто магнит для неприятностей.

Сначала я улыбаюсь. «В любой непонятной ситуации улыбайся» — вот мое правило. Второе же правило гласит: «Никогда не признавайся». Даже если застукали с деньгами в руках — не признаваться ни за что. Они свалились с потолка, прилипли к ладоням, завалились за комод, а я их случайно нашла — что угодно,

только не признавать свою вину. «Заберите их, не нужны они мне!» — вот так стоит говорить, обязательно с негодованием.

— Часы, — говорит Макс, и от звука его низкого голоса меня пробирает дрожь.

Я нехотя достаю из кармана передника тот самый вожделенный «патеок филипп» и кладу его на стол рядом с собой. Подходить к Максиму не буду, я же не совсем дурочка.

— И остальное тоже.

Что делать? Я вынимаю вторые часы и запонки, хоть расставаться с ними не хочется.

— Я хотела их протереть, — говорю.

— Угу, — Макс кивает.

— В ванной. Тряпочкой.

— Конечно, — соглашается Макс. — Я так и подумал. Там еще пачка долларов лежала, ты ее не протирала?

Я облизываю пересохшие губы.

— Не дошла.

— Жаль.

Надо бежать. Если что — грозить полицией, сказать, что напишу заяву. Избиение и удержание силой — это же куча статей! Один раз я так уже выпуталась, еще когда начинала работать. Стала грозить полицией, парень испугался и отпустил меня. Доказать факт попытки ограбления так и не смог.

— Отпусти или ментов вызову, — говорю очень уверенно. — Скажу, ты меня изнасиловать хотел.

Макс вдруг хохочет. Это странно, я ожидала чего угодно — злости, обиды, отвращения, — а этот смеется! И вообще, это его первая улыбка за все время моего пребывания здесь.

— Надо же, у тебя даже голос другой. — Он скрещивает руки на мощной груди.

— И что? — огрызаюсь я. Изображать из себя нежную фею уже нет смысла.

— Такая ты мне больше нравишься.

Я морщу нос. «А ты мне вообще не нравишься», — хочется сказать, но я молчу. Чтобы выбраться целой, надо говорить поменьше и по делу. Надо понять, почему он не боится полиции. Есть там друзья? Это плохо.

Хуже, если этот Макс просто сумасшедший и себя не контролирует. Вдруг набросится? У моей знакомой было такое, еле ноги унесла. А я ведь еще с первых минут подумала, что с ним что-то не так... Надо было уходить, пока могла.

— Я закричу, — предупреждаю, но реакции ноль.

— Кричи, сколько хочешь, — безмятежно отвечает Макс.

— Я вызову полицию.

Макс пожимает плечом. На его лице все та же полуулыбка.

— Вызывай. Заодно покажем им одну видеозапись.

Он поворачивается к углу над кроватью и машет в ту сторону рукой.

— Улыбайся, — велит. — Тебя снимает скрытая камера.

На потолке в самом углу, над шторой, и правда виднеется едва заметная черная точка.

Мерзавец! Вот почему он так спокоен! Я едва не вою от досады и готова провалиться под землю. Наверняка на записи замечательно видно, как я шурую по ящикам его комода... А я не догадалась проверить, есть камеры или нет. Слишком торопилась, слишком много думала о его глазах, и груди, и запахе, и чертовом покрывале на его кровати.

Сегодня точно не мой день.

— Выпусти меня, — говорю я уже не так уверенно.

— Да никто тебя не держит, иди, — он машет рукой в сторону двери.

— А я отправлю запись в полицию. Думаю, им будет интересно посмотреть, как ты роешься в моих вещах.

Какой же он самодовольный! У меня даже дух перехватывает от гнева! И самое обидное, сделать-то ничего нельзя. Видео есть видео.

— Интересно, они просто посадят тебя или сперва развлекутся? — продолжает рассуждать Макс, и делает это с такой холодностью и отстраненностью, что мне становится страшно. — Я же у тебя не

первый такой, — щурится он.

Ишь, какой умный! Думай, Лера, думай, что делать?

Он тянется куда-то за спину, и я холодею. Что хочет достать: нож, пистолет? От такого здоровяка можно ожидать, многие бизнесмены держать оружие дома. И охотой увлекаются.

Макс поворачивается ко мне. В его руках лишь бокал красного вина.

Тот самый, в который я подсыпала лошадиную дозу снотворного.

— А здесь что? — спрашивает Макс с такой самодовольной ухмылкой, что мне хочется заорать. — Фенозепам? Альпразолам?

У меня только волосы на голове не зашевелились. Откуда знает? Он что, все это время следил за мной? Играл в кошки-мышки? Я-то была уверена, что играю роль кошки, а оказалось все наоборот.

Мне стыдно. Мне ужасно стыдно, как я могла этого не заметить? Нашлась профессионалка...

Макс ставит бокал на каминную полку. Хрустальная ножка звякает о камень, вино плещется. Интересно, я успею добежать и вылить его в камин, на золу? Оцениваю Макса, его мышцы, хищный взгляд ягуара... Он только кажется неповоротливым, понимаю я. Ничего не выйдет, схватит меня, как птичку, даже чирикнуть не успею. Да и на стенках бокала все равно останется вино, смогут доказать, что я что-то в него подсыпала. Обычно бокал я уносила с собой, а тут...

И наверняка все записано на видео. Макс же откуда-то узнал об этом. Похоже, он и правда может меня сдать. А то и сам посоветует ментам позабавиться, наведет на мысль. Просто так, из мести.

Я его боюсь.

Может, уйти? А потом что? Начнет искать полиция, доказательства у них есть, тут же возникнет куча проблем, и Лёня Воробьев, моя «крыша» и работодатель, живо от меня избавится. Или затолкает в какой-нибудь бордель, чтобы отрабатывала там и не высывалась. Ужасные варианты, как ни крути.

Но... Макс не торопится звонить в полицию. Значит, хочет что-то предложить. Заставить меня что-то сделать. И, кажется, я догадываюсь, что именно. От этой мысли и взгляда на его идеальное тело меня бросает в жар.

Интересно, он любит грубо или нежно? Наверняка грубо, такой самец просто не может быть нежным и ласковым. Странно, но меня это возбуждает, хотя должно пугать.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю хрипло. Собираю все силы, чтобы не выдавать волнения, но, похоже, мне это не удастся. Макс сыто щурится. Он будто видит меня насквозь, знает, что мне нельзя в полицию.

И то, что он говорит, еще больше убеждает меня в этом.

— Предлагаю сделку. Один месяц ты работаешь на меня.

Ничего не понимаю. Что за работа, что он задумал?

Видя мое смятение, Макс поясняет:

— Выполняешь мои желания, как и должна была сегодня. А я потом сотру видео, и мы квиты. Идет?

Попалась ты, Лера. Увяз коготок, пропала птичка.

4. Макс

Теперь пазл сходится. Она не ищет папика. Она — воровка.

— Какие у меня гарантии?

Хрипотца в ее настоящем голосе возбуждает. Вообще, без приторного жеманства она кажется интересной. Сейчас передо мной хитрый и дикий звереныш, которого надо приручить. Малейшая ошибка — и без жалости вцепится тебе в горло.

А я люблю опасность.

— Гарантии? — говорю. — Тебе придется поверить мне на слово.

Гарантий она захотела... Не растерялась, сразу принялась торговаться. А теперь смотрит на меня оценивающе, думает, обману я ее или нет. Стоит недвижимо, сложив руки на переднике. Только жилка на тонкой шее нервно подрагивает, выдает напряжение.

— Но откуда мне знать, что ты не сдашь меня после?

В груди горячим комом проворачивается недовольство. Да сколько можно?

— Мы не на базаре. Либо соглашайся, либо вали.

Я делаю шаг в сторону, открыв проход. Теперь она может уйти.

Воровка не двигается, сжимает пальчиками белый передник. Уйдет или нет? Вдруг и правда сбежит. И что тогда? Придется звонить ментам, а мне так неохота это делать. Это уже будет совсем не весело: гора бумаг для заполнения, дача показаний, просмотр видео, опознание. И опять смертельная скука.

Лучше пусть она согласится. Лучше для нас обоих.

— Хорошо, — наконец отвечает воровка. Она говорит это с легким вздохом, словно делает одолжение. Это мне тоже нравится. Будет интересно подчинить ее себе. Сделать так, чтобы она сама по-настоящему меня захотела.

И я рад, что она сделала такой выбор.

— Для начала скажи свое имя.

— Эвели... — начинает она, но я перебиваю.

— У меня нет времени на ложь. Настоящее имя.

Она щурит красивые глаза, губы изгибаются в едва заметной усмешке.

— Лера, — отвечает коротко, как выстреливает в воздух.

Лера. Валерия, значит. Интересное имя, мне нравится. Мелодичное и женственное, перекачивается на языке.

— Подними юбку.

Она сжимает кулаки, даже и не думает слушаться. Такая смелая, надо же.

Интересно, о чем она думает? Какие сценарии сейчас крутятся в ее хорошенькой головке? Изнасилование? Избиение? Чего я пожелаю? Вдруг я какой-нибудь маньяк.

Но я не маньяк, мне просто хочется посмотреть на ее зад.

— Запомни. Я говорю — ты выполняешь. Ну или...

Наслаждаясь Лериным страхом, я поднимаю руку с телефоном. Делаю вид, что набираю номер.

— Подожди, — останавливает она меня. В ее карих глазах плещется

отчаяние. В карих ли?.. Я присматриваюсь — наверняка линзы. Все фальшивое: глаза, волосы, ресницы, имя. Надеюсь, хоть зубы не вставные. Губы вроде натуральные, и это хорошо — я устал от девиц с перекаченными, перекошенными от геля ртами. Это дешево.

Вот страх у нее настоящий. И гнев. Она не сдастся просто, я это вижу.

Охотник во мне ликует. Вот так добыча! Я будто заново родился. Давно не чувствовал себя настолько живым. Пожалуй, даже слишком давно.

— Хорошо, — говорит Лера тихо и сдавленно. — Но только с тобой, понял? Никакой групповухи.

Боже, да она и правда решила, что я собираюсь ее изнасиловать. Я не сторонник насилия, люблю, когда все происходит естественно, когда наслаждаются оба. Да, можно поиграть с наручниками, латексом и кляпами, было у меня такое. Но только по обоюдному согласию.

Но я многозначительно молчу и жду. Ничего не обещаю. Пускай помучается, она это заслужила.

Лера прикусывает губу, берет край юбки и медленно поднимает его, открывая черные гладкие трусики. Лерины бедра тоже гладкие, белые и тренированные. Мне хочется чуть оттянуть трусы и заглянуть под них, все ли там гладко. Может быть, поласкать рукой, нащупать самое чувствительное местечко. Хочу, чтобы Лера стонала и краснела от стыда.

Но это можно устроить и позже. Как я уже говорил, не люблю принуждение. К чему насилие, когда женщины сами меня хотят?

— Доволен? — Лере явно хочется закрыться, поэтому я медлю с ответом.

— Сойдет, — наконец бросаю, и это злит ее еще больше. Леру явно бесит мое безразличие. — А теперь собирайся и вон отсюда.

Это выбивает ее из равновесия, на лице удивление. Она что, думала жить у меня и спать в гостевой комнате? Прислуга не остается на ночь в моем доме, это правило. А Лера теперь прислуга.

Впрочем, недоумение она быстро прячет под маской безразличия и презрения.

— В смысле «вон»? — Она изгибает бровь. — Я же теперь твоя

волшебная фея, желания исполняю. Забыл?

— Вот и исполни мое первое желание. Выметайся. Сейчас ты поедешь домой, а завтра утром...

— За мной заедут, поняла, — устало отмахивается Лера.

Размечталась.

— Никто за тобой не заедет, милая. Завтра утром ты соберешь вещи, чтобы переодеться, сядешь в метро или автобус, и поедешь сюда. Не будет в семь-ноль одну — в ту же минуту я звоню в полицию.

Лера молчит. Ее взгляд обещает мне адские муки. А я представляю, с каким наслаждением она будет царапать мою спину. Как она будет сжиматься вокруг моего члена.

— Завтра в семь ровно, — я делаю акцент на последнем слове. Терпеть не могу, когда опаздывают. Все мои сотрудники и прислуга это знают. — И у тебя на лице слишком много краски, умойся. Не люблю проституток, а сейчас ты выглядишь именно так.

Щеки Леры быстро становятся пунцовыми, она зло сжимает губы, а глаза так и сверкают. О да, в этот момент она меня ненавидит.

И эта чистая злость возбуждает куда больше фальшивых улыбок.

— Как пожелаете, — цедит она через зубы.

— Господин, — с непередаваемым удовольствием поправляю я. — «Как пожелаете, господин».

5. Лера

Дома я заворачиваюсь в одеяло колбаской. Так, что торчат лишь макушка и пальцы, которыми я держу край. Мой диван жестковат, не сравнить с Максовым лежбищем, но одеялко пахнет мной, и оно такое теплое... Очень уютно. Я закрываю глаза и просто дышу, стараюсь выкинуть из головы все события сегодняшнего дня. А они не хотят уходить, все кружатся, кружатся яркой каруселью. Наконец они начинают меркнуть, постепенно улетають прочь...

Бух-бух-бух!

Стук в стену вырывает меня из дремы. Где-то совсем рядом протяжно и страстно стонет женщина. Она явно хочет, чтобы все в квартире (а

то и в соседних квартирах тоже) были в курсе, какой страстный любовник ее муж.

Знакомьтесь, это Боровины.

Семейная пара, лет по тридцать каждому, детей нет. Как и совести, возмущенно соплю я и пытаюсь зарыться в одеялко с головой. Стены в нашей коммуналке совсем тонкие, как фанера, а у Боровиных еще и кровать придвинута к моей стороне. Обычно чужой секс меня мало смущает, но сегодня это «ах-ах», эти ритмичные удары в стену раздражают. Напоминают мне о Максе и его темных, как океанское дно, глазах.

Чего он пожелает? Может, расстегнет ширинку, достанет член и велит мне его облизать? Для начала. Даже не знаю, какие чувства у меня это вызывает. С одной стороны Макс привлекателен, как мужчина, а с другой — он просто будет меня использовать, а мне это не нравится. Никому бы не понравилось, думаю.

Приятно считать, что ты действительно симпатична мужчине, что у него к тебе чувства. И совсем другое с самого начала понимать, что ты лишь игрушка в его руках. Сказать, что это неприятно — значит, не сказать ничего. Я-то всегда мечтала о принце. Глупо, знаю, но верю, что однажды я завяжу с Лёней и его компанией, накоплю денег, сбегу в другой город, может, вообще в Хабаровск, и начну новую жизнь. Любимый муж, дети, пеленки, всякое такое.

А мысль снова течет к Максy.

Интересно, у него большой? Почему-то я думаю, что да. Говорят, если пальцы длинные, то и член приличный. А у Макса руки очень большие, как и он весь. Сильные пальцы с аккуратными и ухоженными ногтями. Крепкие, длинные ноги, подтянутая задница...

Я боюсь близости с ним и одновременно хочу ее. Стыдно это признавать, но я хочу его. Даже сейчас, когда думаю о нем, о том, что меня ждет, между ног становится влажно.

Безумие какое-то.

«Ах-ах», — стонут Боровины за стеной. Ритм ускоряется. Спать не хочется, хотя надо бы — завтра рано вставать.

Я закусываю губу. Представляю, что это я лежу на кровати, а надо мной склонился Котов. Капли пота блестят на его обнаженной груди, губы приоткрыты. Он эротично, низко стонет и входит в меня, снова

и снова, снова и снова...

Звонит телефон, и я чуть не подпрыгиваю. Кажется, даже соседи притихли. Вытаскиваю руку из своего кокона и беру мобильник.

Это моя подруга, Дианка.

Дианке двадцать восемь, она работает нянечкой в детсаду и свято верит в любовь, а также в своего мужа, Лешеньку. Также она думает, что я убираюсь в домах олигархов и их любовниц. Отчасти так и есть, но подробностей про грабеж, мой долг и Лёню Воробьева она, слава богу, не знает.

— Привет, зайка, — вздыхаю я.

— Что случилось? — встревоженно спрашивает Дианка.

Если бы она только могла представить...

— Да ничего, клиент сегодня попался какой-то...

— Грубый, что ли?

— Не то чтобы грубый... Хотя да, грубый, но дело не в этом.

— Заинтриговала, — мурлычет Дианка в трубку.

— Он предложил мне месяц работать на него. Только на него.

— О-о? Ну и что же в этом плохого?

Я откидываюсь на подушку и закрываю глаза.

— По-моему, он ко мне подкатывает.

И это вранье. По-моему, Макс — единственный клиент, который ко мне не подкатывает, а просто хочет трахнуть из мести.

Трубка взрывается Дианкиным смехом.

— А он симпатичный?

— Да. Очень, — угрюмо признаю я.

— Богатый? Хотя наверняка богатый, ты же однушки не убираешь.

Это точно. Я зло жую губу, не понимая Дианкиной радости.

— Но это же здорово, Лера! — продолжает Диана. — Может, закрутится у вас, а?

Ага, закрутится. Только не с Максом Котовым. Ему есть с кем

крутить и без маленькой воровки.

— Я не верю ему, Диан. Мне кажется, ему просто скучно.

— Ну не попробуешь, не узнаешь, верно? И чего ты теряешь?

Самоуважение, например. Хотя чья бы корова мычала, конечно. О самоуважении надо было думать, когда я занимала денег для своего бывшего. Который потом благополучно исчез с концами, бросив меня разбираться с долгом.

Теперь я мужикам не верю. Лучше жить одной в коммуналке и слушать Боровиных.

Соседи словно угадывают мое желание и снова начинают стонать.

— Опять трахаются? — Дианка их тоже слышит. А я только рада сменить тему.

— Как кролики под виагрой, — вздыхаю я.

— И откуда только силы берутся? — подруга возмущена. — Мы с Лешей вон дольше пятнадцати минут не можем. Мне иногда кажется, что он меня не хочет...

— Да всё он тебя хочет, просто устает на работе. Зато получает хорошо. Ты же знаешь, мужики либо в сексе хороши, либо в работе. Либо по дому рукастые.

Макс Котов наверняка приятное исключение из правил. Такой правильный, такой идеальный... И чего я все время о нем думаю?

— Так ты согласилась?

— На что?

— На работу у симпатичного богача.

Дианка решила не оставлять эту тему и добить меня до конца.

— Согласилась. — Как будто у меня был выбор. — Завтра в полшестого вставать, ехать к нему черт знает куда.

— Так и чего ты не спишь, подруга?

Это хороший вопрос.

— Кролики мешают, — вру, хотя виной совсем не кролики. Я думаю о Максе, о своем долге, о том, что буду делать без денег...

Мы еще немного болтаем об эпидемии ОРВИ в Дианкином садике, о

детишках — Диана очень хочет своих, но пока не получается. Пару раз за наш разговор в трубке раздаются гудки — кто-то пытается прозвониться, — но я даже не смотрю, кто это. Потом подруга прощается, и я остаюсь наедине со своими мыслями.

Ненадолго: вновь звонит мобильник. На экране одно имя: «Лёня». У меня внутри все падает. Точно, я даже ему не позвонила, как уехала от Макса, так и забыла. Обычно я сразу отзваниваюсь, и мы договариваемся, где я передам украденное.

Я стучу в стену, чтобы соседи вели себя потише. Крепко-крепко зажимаюсь, затем отвечаю на звонок.

— Лерочка, моя нехорошая Лерочка, — начинает Лёня как всегда приторно-сладко. — Где мои бабки?

Сколько у него таких, как я? Десятки, а то и за сотню наберется: девочки в импровизированных борделях на съемных квартирах, попрошайки на вокзалах, торговки в поездах. Воровки, такие как я. И все равно за каждую держится, пьет кровь, как... как вампир. Хотя вампиры гораздо симпатичнее. В фильмах, по крайней мере. А Лёня — просто жадная и жирная пиявка.

— Нету, — угрюмо отвечаю я, а внутри все сжимается от страха.

— Как нету?

— Сегодня не вышло.

— У тебя проблемы? — тут же настораживается Лёня.

Точно захочет упрятать меня в притон. Мне уже чудится квартирушка многоэтажного дома в спальном районе. И пьяные клиенты с пузиком...

А у меня всего-то один парень в жизни был, и тот давно.

— Не то чтобы проблемы, — вру я. — Есть вариант выйти на гораздо большую сумму.

— Да?

— Да. Но нужно время.

— И сколько тебе нужно, хорошая моя? — его голос снова мягок, как теплое масло.

— Месяц.

— Месяц? Нет, так не пойдет.

— Послушай, мы очень хорошо заработаем.

— Я очень хорошо заработаю, ты это хотела сказать? — поправляет меня Лёня.

— Да. Да, — киваю я, хоть он меня и не видит. — Просто дай мне месяц.

— Три недели, и не разочаруй меня, — говорит он и вешает трубку.

Ладно, потом разберемся. Может, удастся что-нибудь стащить у Макса, и Лёня сжалится.

Чувствую себя между молотом и наковальней. Или между двумя рабовладельцами. Каждый считает, что имеет право мне приказывать, а меня от этого тошнит. Утираю нос кулаком. Ничего, я выберусь. Может, сотру у Макса эту запись, заберу побольше денег и сбегу. Сбегу от всех них. Да, отличный план.

6. Макс

Скачано с сайта knigomania.org

На часах семь ровно.

Не мигая, я слежу за цифрами на экране. Телефон уже в моей руке, но звонить в полицию пока не хочется. Секунды идут, на часах уже семь-ноль-одна, а воровки все нет. Меня накрывает разочарование — Лера оказалась глупее, чем я думал, и сбежала. Я думал, она боец, а она оказалась простой трусливой пусты...

Пиликает домофон.

Дома кроме меня никого, я дал прислуге выходной. Приходится идти открывать самому. Включаю черно-белый экран домофона. У ворот стоит Лера, хотя сперва я ее не узнаю: без парика и макияжа она выглядит совсем по-другому.

После сигнала она открывает калитку, не спеша идет по залитой весенним дождем дорожке, и заходит в дом. Встревоженно смотрит на меня, как будто я могу ее укусить.

Совсем другая. Русые волосы разделены на прямой пробор и стекают

по плечам гладкой волной. Глаза тоже светлые, серые, и ресницы прозрачные. На скулах едва заметные веснушки, словно кто-то пылью дунул, и та осталась на коже. Теперь ей не дашь и двадцати, хотя подозреваю, что она старше. Но у нее такой тип красоты... как у русалки. Гладкий, спокойный, как озерная вода, может, даже строгий. Особенно взгляд. Это взгляд королевы, а не развратной горничной. Им можно резать металл.

Точно, передо мной русалка. Сероглазая сирена.

Лера поджимает губы, недовольная моим пристальным вниманием.

— Где я могу переодеться? — спрашивает она, и я показываю ей кладовку, в которой переодевается прислуга. Она с сомнением оглядывает вешалки с одеждой, табурет и полочку для обуви.

— Можешь взять одну из этих, — я показываю на униформу моих горничных. Она серая, застегивается под горло, юбка не выше колена. Но Лера качает головой.

— Я буду в своем, — и достает из пакета уже знакомый костюмчик из секс-шопа. — Что? — Она поднимает брови, поймав мой взгляд.

— Не холодно будет?

— Ты же заказал мои услуги, верно? На месяц.

— Да, — киваю я.

— А я работаю только в своем, — отрезает Лера и захлопывает перед моим носом дверь.

Русалочка...

Невольно улыбаюсь. Вроде надо поставить девочку на место, но мне не хочется. Ее поведение и легкое презрение — как глоток свежего воздуха после фальшивых улыбок и льстивых речей охотниц за кошельками. Лера, конечно, тоже охотилась за бабками, но закрутить мне мозги даже не пыталась. Только усыпить транквилизатором.

Костюм она все-таки изменила: юбка лишилась подкладки и не топорщится, грудь уже не вываливается из декольте. Леру вполне можно счесть горничной, если бы не мелькающий иногда край черных чулок.

— Приготовь мне завтрак, — я сажусь на барный стул.

— Чего вы хотите?

— Омлет.

Лера кивает, вытаскивает из холодильника яйца, бекон и овощи. Показываю ей, где лежат венчик, миска и сковорода. С опаской выдаю нож.

Готовит она умело, быстро шинкует овощи. Нож так и стучит по доске.

— Мне нужны деньги, — вдруг говорит она. Стук ножа стихает. Русалка оборачивается, испытующе смотрит на меня.

— В смысле? — я поднимаю бровь. Еще и денег хочет? Потрясающе.

— В смысле, что скоро мне будет не на что ехать в твоё село, — не моргнув и глазом, отвечает мне Лера. Упрямо выпятила подбородок, ждёт моего ответа.

Село! Я готов рассмеяться. Это элитный посёлок-то — село?

— Придётся тебе, как Ломоносову, пешком идти, — отвечаю.

Она отворачивается и некоторое время молча режет бекон. Напряжена, похожа на натянутую струну, которая вот-вот порвется.

— Мне правда нужны деньги, — глухо говорит она. Эти слова явно даются ей с трудом. — Послезавтра придётся спать здесь, под забором.

А она не шутит. Мне даже становится немного совестно.

— Сколько? — спрашиваю.

Лера растерянно смотрит на меня.

— Хотя бы тысяч двадцать, — отвечает. — Мне ещё за комнату платить.

Комнату. Живёт в коммуналке? С кем-то снимает квартиру на пару? Интересно. Надо узнать у неё позже.

— Вечером дам.

Выражение её лица смягчается, и на миг мне кажется, что в её глазах заблестели слезы.

— Спасибо, — говорит она и отворачивается. Разогревает сковороду и выливает в неё взбитые яйца. Её плечи обволакивает пар.

Я изучаю изгиб Лериной стройной фигурки. Не женщина, а загадка.

Она со мной играет? Если да, то делает это очень убедительно.

Звонит телефон.

— С днем рождения тебя, Максик, — выдыхает Марина в трубку.

День рождения? Точно, с этой горничной-воровкой я совсем забыл, что мне стукнет тридцать шесть. Да и плевать, на самом деле. Раньше это был бы повод оторваться в клубе или устроить дома вечеринку. Но чем старше становишься, тем меньше обращаешь внимания на календарь и праздники.

— Он завтра, — напоминаю я своей бывшей. Та охает.

— Ой, я перепутала числа! Третьего апреля же, не второго! Макс, прости ради бога!

Притворяется или правда забыла? За пять лет нашей совместной жизни я так и не научился отличать ее вранье от правды.

— Ничего страшного. Принимаю твои поздравления.

— Зачем так официально?

«Ты от меня ушла, вот зачем», — думаю я, но произношу почему-то другое.

— А как надо?

Лера продолжает жарить омлет, но прислушивается к разговору, хоть и не подает виду.

— Надо нежно и ласково, нас же столько связывает, Максим. Я заказала вечер в твою честь в нашем «Дюбуа», — как ни в чем не бывало сообщает Марина. — Уже согласились прийти Лимоновы, Дегарнины и даже Пиотровский-младший. Еще Джон зайдет, он как раз прилетел из Майами. Завтра в семь начало, не опоздай.

Не могу понять, что мне нравится меньше: что она назвала меня Максимом или что решила все за меня? Одно дело поступать так, когда мы были женаты, и совсем другое сейчас. Это мой день рождения, и я волен поступать с ним так, как считаю нужным. Сам. Отмечать или не отмечать. Приглашать друзей или не приглашать. Выбрать «Дюбуа» — ресторан, в котором я когда-то сделал ей предложение, — или другое заведение.

Но, может, Марина хочет помириться? Вдруг хочет вернуться? Вспыхнувшая надежда заставляет меня смягчиться.

— Спасибо. Я приду, — отвечаю.

— И ты не будешь против, если я возьму с собой Сержа?

Это похоже на удар ножа в сердце. Я закрываю глаза. «Ты же сама его уже пригласила, чего спрашивать?»

— Конечно. Приводи кого хочешь.

— Славно, — мяукает Марина. — Тогда до завтра, милый.

И она кладет трубку.

Бессильный гнев клокочет в груди. Снова обман. И пригласить меня на мой же день рождения — вот это апофеоз обесценивания и эгоизма. Серж. Имя-то какое мерзостное...

Что мне делать? Не пойти? Это будет по-детски, я уже согласился. Надо показать, что я плевать хотел на Марину и ее мужика. Значит, пойти. Но с кем?

Я смотрю на русалку. Та ставит передо мной тарелку с горячим омлетом, поднимает прозрачные серые глаза. Взгляд ее как морозное утро.

— Приятного аппетита, — говорит тихо, затем идет к раковине и моет миску, венчик для взбивания и сковороду.

Я пробую немного. Вообще-то приготовлено вкусно, но сегодня я не в духе. Особенно после звонка Марины. Надо было отказать ей, послать ее, а я не смог, и это бесит. Поэтому беру тарелку и ленивым жестом вываливаю омлет в мусорное ведро.

Лера резко оборачивается, смотрит встревоженно, но молчит. Выдержка у девочки что надо.

Посмотрим, как она запоеет после следующего моего приказа.

— Мне не нравится. Подними юбку и ложись на диван, — говорю я.

— На живот.

7. Лера

Что я сделала не так?! Омлет был вкусный, сама пробовала!

До меня наконец доходит: Максу просто хочется меня наказать. Я сжимаю зубы так, что те скрипят. Точнее, наказать не меня, а ту женщину, что звонила — а звонила точно женщина, с мужиками так

не говорят.

Что она ему такого сказала? Под конец он прямо побагровел, а в глазах кровавые мальчишки заплясали. Но Макс не послал ее, хотя мог.

Зато я сейчас попаду под раздачу однозначно.

От такой несправедливости обидно до слез, но я не выдаю своих чувств. Макс хочет увидеть мой страх? Не дождется.

Снимаю резиновые перчатки, в которых я мыла посуду. Выключаю воду и медленно иду в гостиную. Как на казнь, не меньше. Мысли путаются от страха, но сейчас не время паниковать. Надо присмотреть какую-нибудь вазочку или что потяжелее — вдруг у Макса сорвет крышу и придется отбиваться? Я не хочу, чтобы меня придушили из-за какой-то мадам. И вообще, рукоприкладства не потерплю. В таком случае мы пойдем в тюрьму оба, под ручку.

Макс идет за мной, мягко ступает босыми ногами по паркету. Его взгляд горяч, как пламя. Почти обжигает.

Я его не боюсь. Я его не боюсь. Не бо-юсь.

Украдкой оборачиваюсь, снова ловлю на себе этот огненный взгляд. Мамочки, кого я обманываю? Да я просто готова умереть от страха... Что он задумал?

Сажусь на диван, смотрю на Макса снизу вверх. Он кривит губы, затем садится рядом.

— На живот, — он неумолим. — Головой туда.

Делать нечего. Скидываю туфли, снова примечаю вазочку на журнальном столике (пригодится, попой чую, что пригодится), и опускаюсь на живот. Мой зад оказывается у Макса на колене.

Макс не дожидается, пока я задеру юбку, сам откидывает ее мне на спину. Попе сразу становится холодно, и это странное ощущение: холод на попе и жар мужского тела, который я чувствую даже через рубашку и брюки. Я чувствую запах Макса, одуряющий и терпкий. Его мерное дыхание, силу его мышц.

Шлепок обжигает мою попу. От неожиданности я подпрыгиваю и едва не скатываюсь на пол.

Это что еще за «Пятьдесят оттенков серого»?! Макс решил меня отшлепать? «Подвесь меня, как куропатку, и полюби во все места»...

Такого я не ожидала, если честно. Нет, это не больно, а стыдно и... странно возбуждающе. На рукоприкладство вряд ли потянет, скорее на разогрев перед чем-то большим. Но я не мазохистка, не по этой части.

Еще шлепок, с оттягом. Я впиваюсь ногтями в мягкую ручку дивана, в животе разливается сладость. Макс тяжело дышит, я чувствую, как вздымается его грудь. А под моими бедрами твердеет и наливается член.

— Ай! — вскрикиваю я на очередном ударе, и член Макса вздрагивает, становится больше.

Я была права, его достоинство совсем не маленьких размеров.

И самое ужасное, что я тоже хочу его. После каждого шлепка невольно выпячиваю попу, а в трусиках все намокло. Вторая рука Макса лежит на моем бедре, ладонь плотно обхватывает обнаженную кожу над кружевом чулка. Если он вздумает немного двинуть пальцем, то коснется моих складочек. Поймет, что я уже мокрая.

Но он останавливается.

— Вставай.

Я неуклюже слезаю с его колена. Ноги подгибаются, трясущимися пальцами одергиваю юбку. Юши горят так же, как и попа. Не могу поднять взгляд, мне стыдно. Это было хуже, чем секс, это было унижительно. Он отшлепал меня, как ребенка какого-то, наказал, как провинившуюся зверушку. Хотя нет, даже зверей так не наказывают. Вы когда-нибудь видели, чтобы кто-то шлепал своего пуделя?

А я еще и возбудилась. Я что, тоже извращенка? Шлепни меня, и я вся твоя...

— Завтра ты поедешь со мной на вечеринку, — слышу голос Макса, будто издалека. — У тебя есть чего надеть?

Что еще за вечеринка? Мы договаривались, что я буду к нему приходить на дом, а сопровождать на вечеринках я не обещалась.

Но на вечеринке он не сможет меня отшлепать, верно? Это обнадеживает. Я больше не хочу извиваться от желания у него на колене.

— Костюм горничной? — сдавленно предлагаю я. Наконец решаюсь на него посмотреть.

Глаза Макса темные от желания, желваки играют на щеках. Ощущение, что он сильно зол. На кого, на меня? Что не дала ему того, что он хотел? Или на себя, что не сдержался?

— Собирайся, — говорит он. — Едем в магазин.

— В какой... — Голос пропадает, и я откашливаюсь. — В какой еще магазин?

— В продуктовый, за капустой, — отрезает Макс. — За платьем разумеется. И бельем, — добавляет он, подумав. — То, что на тебе, мне не нравится.

— Да пошел ты, — бормочу я, но все же иду переодеваться.

8. Лера

Максу что, делать больше нечего? Усадил меня в свой «лексус» и повез в магазин. За одеждой. И это он явно не в качестве извинения за шлепки делает, у него какой-то свой интерес. Хочет, чтобы я блистала на вечере. Для чего? Кому задумал утереть нос? Видимо, сильно его припекло.

В любом случае, я в эту его игру играть не собираюсь, я ему не красивая болонка. И его ущемленное эго — его проблемы.

В общем, мы едем и молчим. Я поглядываю на его профиль. Красивый, отрицать бессмысленно. Прямой нос, выразительные жесткие губы и точеный, волевой подбородок словно созданы для рекламы какой-нибудь бритвы «Жилетт». Так и слышится: «Лучше для мужчины нет», и Макс кидает в кадр свой фирменный прищур, от которого бегут мурашки. Кстати о бритве: сегодня Макс не брился, но короткая щетина ему идет. Кое-где в ней уже проглядывает седина, получается цвет соли с перцем. Небритый он выглядит старше, но сексуальнее.

Он ведет уверенно, плавно, но быстро перестраивается, обходя других водителей на шоссе. Пару раз я готова зажмуриться — мне кажется, что мы сейчас врежемся. Но в последний миг Макс чудом уводит машину от столкновения. И еще он успевает бросать на меня взгляды. Похоже, проверяет, не отдала ли я еще концы с таким-то экстримом.

Концы я не отдаю, но чувствую, что меня конкретно укачало. Когда мы паркуемся у какого-то гламурного комплекса бутиков, я торопливо выбираюсь из машины, еле держась на слабеющих ногах. Неподалеку на газоне большие буквы: «Барвиха Лакшери Вилладж». Что-то я такое знаю, вроде бы там отоваривались некоторые из моих гламурных «клиентов». По крайней мере, я слышала это название, пока делала вид, что мою полы.

Макс закрывает машину — та щелкает замками, мигает фарами и засыпает. Вид у него, словно он кол проглотил. Не дожидаясь меня, он идет по дорожке к футуристичному зданию с перечнем дизайнерских марок на рекламном щите. Ждать меня он явно не собирается, приходится разгибаться и догонять, несмотря на боль в боку.

В торговом центре он тоже не останавливается, идет по одному ему известному маршруту и заводит меня в большой бутик. Свет приглушен, слышна негромкая плавная музыка, пахнет дорогими духами. Консультантки поворачивают головы одновременно, как змеи на охоте, и смотрят на меня. Под их взглядами я невольно робею.

Максу они широко улыбаются.

— Здравствуйте, — говорит одна. — Меня зовут Лаура, и я готова вам помочь.

Она готова помочь ему не только в выборе одежды, это заметно, как пожар в квартире. Я не выдерживаю никакого с ней сравнение. Она такая ухоженная, стильная, красиво покрашенная... идеальная. Но Макс глядит на нее, как на предмет мебели. Только губа едва заметно вздергивается, словно в отвращении.

Но это успеваю уловить лишь я.

— Помогите моей спутнице, — велит он, а сам опускается на диванчик в углу и начинает что-то набирать в телефоне.

Теперь кобры снова смотрят на меня. И взгляды у них совсем не дружелюбные, а улыбки пугают. Ей-богу, меня сейчас кусают, и придется делать сорок уколов в живот.

Ужасно неудобно. И вот этот Максов жест — привести в бутик за ручку и бросить на произвол судьбы, словно ему все равно, что я там навывираю.

А отличная мысль, кстати. Надо проучить его, чтобы больше никогда не вез меня на вечера, как болонку. А то привык, что женщины пляшут под его дудку.

Шлепать он меня удумал...

— Что бы вы хотели? — спрашивают меня кобры.

— Что-нибудь красное. Ярко-красное, — бросаю я. — И с оборками, если есть.

Кобры переглядываются и расходятся в разные стороны, ищут нужное в горе остального. Я сама от них не отстаю: выцепляю огромное черное платье с алыми розами, вышитыми на подоле. Алла Пугачева умерла бы от зависти.

— Хороший выбор, — одобряет кобра постарше. — Дольче Габбана, прямо из Италии.

Надо же, и у итальянцев бывают модные выкидыши. Но я изображаю счастье и плыву в примерочную. Там меня уже ждут два платья цвета советского флага, одно с белыми оборками на подоле, второе с прозрачными вставками по длине. Потрясающая безвкусица, то, что доктор прописал.

Первым делом натягиваю на себя балахон. Он великоват и делает меня похожей на грозное облако на тоненьких ножках. Девочки услужливо подсовывают черные лодочки с острыми мысами. Подмывает попросить кудрявый рыжий парик, но я сдерживаюсь.

— Что выбрала? — слышу голос Макса за занавеской. Вот уж не думала, что он решит посмотреть на меня сейчас. Я-то рассчитывала, что он купит не глядя, а я потом ка-ак выйду на его вечеринке! Сенсация, орация! Алла Борисовна, вы ли это? «Миллион-миллион-миллион алых роз!..»

Я отдергиваю занавеску, и Макс от неожиданности давится кофе, который он, оказывается, пьет.

— Ну как? — с лучезарной улыбкой интересуюсь я. Поднимаю руки и кружусь, демонстрируя черный балахон со всех сторон. — Дольче Габбана, прямо из Италии.

— Можно купить, конечно. Картошку возить будем, — замечает Макс. — Показывай следующее.

Вот же, решил проконтролировать, что я выбираю... Зараза какой.

Испортил такую шалость!

Следующим я пробую красное с белыми оборками. В нем я похожа на участницу бразильского карнавала, и Макс со мной солидарен.

— Только с бананами и ананасами на макушке, — безапелляционно заявляет он и отправляет обратно в примерочную.

В третье я еле влезаю. Платье узкое, как сосисочная оболочка.

— Тебе, я смотрю, нравится красный. — Макс долго смотрит на меня, а точнее на прозрачные вставки на боках. — Нет.

— А это? Зеленое. — С вешалки неподалеку я хватаю шифоновое платье цвета протухшей спаржи и не могу сдержать улыбки при виде реакции Макса.

— Я знаю, что у тебя есть вкус, — наконец изрекает он. — И у меня нет времени на эти игры. В примерочную, живо.

Его тон не оставляет мне вариантов, и я прячусь в кабинку. Становится даже как-то страшновато. Вдруг я его слишком выбесила? Хотя, если честно, мне совсем не совестно. Это же просто шутка. И выражение лица у Макса было бесценным: потрясающая смесь негодования, удивления и еле сдерживаемой усмешки.

Интересно, что он принесет? Скажет кобрам подобрать мне платье?

Я стою в одном белье, потираю предплечья и жду, что мне в кабинку сейчас сунут очередную вешалку. Но вместо этого заходит сам Макс. Задерживает за собой занавеску и протягивает мне платье из золотистой гладкой ткани. Простое, струящееся, на бретельках. Я машинально беру его и смотрю на Макса. Когда он выйдет? Мне же нужно снять лифчик, такое по-другому не носят.

Но Макс никуда не торопится. Стоит так близко, что я чувствую обнаженной спиной тепло его тела. Плеч касается легкое дуновение его дыхания.

— Меряй, — велит он.

9. Макс

Я не должен был ее шлепать — это раз. Не знаю, что на меня нашло. Накрыло темной волной, заставило сделать то, на что я никогда бы не пошел в здравом уме. А Лера соблазняет меня всем своим видом:

дрождью ресниц, холодным взглядом, который почему-то обжигает. Кошачьей походкой от бедра. Когда Лера идет, двигается все ее тело, плавно, как в танце.

Что-то в ней есть, в этой русалке. Что-то притягательное и недоступное одновременно.

И мне нравилось ее касаться. Нравилось, как она лежит на мне, как вздрагивает от каждого шлепка. Мягкое тепло ее кожи, гладкой, ровной, как шелк. Запах ее тела. А тихий стон просто снес крышу. И когда желание было готово поглотить меня, я оттолкнул ее.

Правильно сделал. Еще несколько мгновений, и я бы сорвал чертовы трусы и взял Леру прямо на том диване. Она была бы не прочь, я это чувствовал.

Теперь я хочу извиниться, всю дорогу до торгового центра думаю об этом, но гордость не дает. Если я извинюсь, то дам слабину, а эта девушка вообще-то хотела меня ограбить. Должен же быть хоть какой-то воспитательный момент.

Хотя желание извиниться пропадает, когда Лера выходит из примерочной в ужасном черном балахоне с алыми розами, в котором ее тонкие ноги кажутся белыми палочками. Она кружится на месте, а глаза блестят так шкодливо, что сразу понятно — это лишь проделки, никуда она в черном мешке не собирается. Просто хочет меня помучить. Может, хочет отыгаться за шлепки. На ее месте я бы тоже обиделся.

Отправляю ее обратно. Консультантки смотрят на меня безразлично, наверняка еще и не таких повидали за время работы. Я тоже, бывало, видел в бутиках и дедулей с губастыми девочками, и тех же дедулей с губастыми мальчиками... Деньги делают доступным многое, что не одобряется обществом в целом. Вообще на фоне остальных посетителей этого центра мы с Лерой выглядим вполне нормально.

Прошу еще кофе.

Второй выход Леры достоин ламбады. Более нелепого платья я еще не видел, его будто привезли из Бразилии, прямо с карнавала. Красивая славянской красотой Лера в нем просто теряется. Она кусает губку, ожидая моего вердикта.

Вердикт, разумеется, все тот же — обратно в примерочную.

Мы словно пара садомазохистов, думаю я, потягивая пряный кофе.

Одна буквально напрашивается, чуть ли не кричит: «Накажи меня», а второй срысывается и ведется на провокацию. И утреннее наказание прекрасно вписывается в систему.

Что же это за игра? И почему в нее все интереснее играть?

На третий выход я просто киваю. Лера в пленке для колбасы, отлично. Платье алое, обтягивающее, с прозрачными вставками во всех доступных местах. Самое оно для эскортницы... «Но не для моей спутницы», — приходит мысль. Она не похожа на эскортницу. Потому и привлекла мое внимание.

После моего отказа Лера кидается на первое попавшееся платье поносного цвета.

Напрашивается, вот точно напрашивается. Я вспоминаю, как она вскрикивала на моем колене. В штанах снова становится тесно.

— Я знаю, что у тебя есть вкус, — говорю и снова вижу этот лукавый блеск в ее глазах. — И у меня нет времени на эти игры. В примерочную, живо.

Лера обиженно ретируется в кабинку, а я не спеша иду вдоль вешалок с вечерними платьями. Хочу найти что-то особенное. То, что сможет подчеркнуть Лерину тонкость и нежность. То, чего порой так недоставало Марине. Марина всегда давит на сексуальность, бьет ею прямо по яйцам.

Лера не такая. Она русалка.

Наконец нахожу то, что надо. Платье струится и переливается драгоценной чешуей. Открытая спина, тонкие бретели. Консультантка с дежурной улыбкой подает мне золотистые босоножки с тонкими перекрестьями ремешков. Прекрасно подойдут под платье, соглашаюсь я и направляюсь в примерочную.

Когда я отдергиваю занавеску и захожу, Лера испуганно оборачивается. Ее глаза округляются и темнеют. Она скрещивает руки на груди, пытается закрыться. Без одежды она еще тоньше, кажется — сдавишь неаккуратно и переломится. Белеют маленькие чашечки бюстгальтера, в попу врезаются уже знакомые черные трусики. Белье, вспоминаю я. Надо дать ей денег на нормальное белье.

Лера зябко ведет плечом, и мне хочется обнять ее. Согреть своим телом.

Неожиданное желание.

— Меряй, — говорю, протягивая платье. Лера берет его, второй рукой продолжая прикрывать грудь.

Ее хрупкость и незащищенность обманчивы, напоминаю себе. Я жду еще немного, — чего жду, непонятно, — все-таки не выдерживаю и выхожу из кабинки.

— Извини, — вырывается, хоть я и не собирался просить прощения... Но утренняя сцена не дает мне покоя. Унижение женщин совсем не по моей части. Их надо защищать, вот что привил мне отец еще в детстве. Даже таких вот... зараз, которым ремня мало.

Лера за занавеской тихо вздыхает. Я почти вижу, как поднимаются и опускаются ее худенькие, прозрачные плечи.

— За что? — спрашивает она.

— За... омлет.

Мне хочется посмотреть ей в лицо, увидеть реакцию. Касаюсь плотной шторы пальцем, борюсь с желанием снова зайти.

Лера тихо смеется. Шуршит одежда, стучат каблуки.

— Извинения приняты, — говорит она уже звонко и весело. — Готов смотреть?

— Готов.

Занавеска отдергивается, как занавес на сцене, и в полумрак бутика вступает она. Моя королева.

Она широко улыбается, и я невольно улыбаюсь в ответ. Лерино веселье заразно.

— Хорошо сидит? — спрашивает она, а сама лукаво стреляет глазами. Всё она знает: и что выглядит прекрасно, и что ее спина в вырезе стройна, как изогнутый лук, а попа крепка и соблазнительно натягивает ткань.

— Хорошо, — киваю и не могу оторвать взгляда.

Лера упирает кулаки в бока. Поворачивается так, чтобы разглядеть себя в зеркало получше.

— Она умрет от ревности? — спрашивает как бы между делом.

А русалка проницательнее, чем я думал. Но раскрывать ей все карты

не собираюсь.

— Не знаю, о чем ты, — говорю я, стараясь не показать, что она угадала. — Берем это.

10. Лера

Вечером Макс протягивает мне котлету пятитысячных купюр.

— И купи нормальное белье, — велит.

Я киваю, не в силах произнести и слова. Денег в пачке прилично, тысяч сто, не меньше, даже руку оттягивает. Я держала больше лишь когда занимала Боре денег. Ну и пару раз, когда чистила дома, но те деньги шли сразу Лёне, мне не доставалось ничего. А здесь они все мои.

Прячу купюры в карман передника и иду переодеваться. Надо отдать их Лёне. Заодно покажу, что я не фигней здесь занимаюсь, а приношу прибыль. Я все-таки очень его боюсь. Одна девочка не выплатила ему долг, начала выступать и пропала с концами. Кто-то говорил, что сбежала, но Лёня особо ее не искал, а это могло означать лишь одно. Что Леня-то как раз прекрасно знал, где девочка лежит.

Макса я решительно не понимаю. Это его так совесть замучила за шлепки и наказания? Может, он и в полицию не заявит, если я просто исчезну?

Но я решаю не проверять.

К тому же, я хочу выгулять это платье.

Весь следующий день я думаю только о Максе и предстоящем вечере. Он дал мне отгул, чтобы я успела подготовиться, и я с самого утра занимаюсь только собой. Стою в очереди в ванную, чтобы помыться. Наконец в нее попадаю только для того, чтобы обнаружить, что у меня закончился шампунь. Кое-как мою волосы дяди Мишиным целебным средством от выпадения волос. Оно странного зеленого цвета, и лишь намылившись я понимаю, что мои волосы тоже могут позеленеть.

Торопливо, в холодном поту смываю, представляя, как разозлится Макс. Подумает, что я специально выкрасилась, и никуда меня не возьмет. Не знаю, что пугает меня больше: то, что я могу никуда не поехать, или обида Макса. Почему-то обижать его совсем не хочется.

Пока не хочется.

Слава богу, дяди Мишино средство никак мои волосы не окрашивает. Оборачиваю голову полотенцем и под возмущенные крики соседей — «Чего так долго?!» — скачу обратно в комнату.

Щелкаю переключателем фена.

Тот взывает и выключается. Пахнет паленым. Похоже, перегорел.

Да что же это такое?!

Звоню Дианке, чтобы попросить у нее плойку. Я готова мчаться хоть на другой конец Москвы, только бы привести себя в порядок. Но Дианка не отвечает ни на первый, ни на десятый звонок. Совсем заработалась в своем саду.

Что делать?! Я с размаху сажусь на кровать, закрываю лицо руками.

Ладно, без паники. Думай, Лера, думай.

Стоп. У меня же есть пачка денег, которые мне дал Макс. Да, я хотела отдать их Лёне в счет долга, но тут ситуация критичная.

Смотрю на свое всклокоченное отражение. Волосы успели высохнуть и теперь сверху прилипли к голове, а внизу топорщатся неровными кудрями. Бледная испуганная морда. М-да. Ситуация просто аховая.

Я запрыгиваю в джинсы и свитер, хватаю деньги и вылетаю из квартиры.

В салоне через дорогу меня встречают с вежливым недоумением. Да, они могут меня уложить. Нет, не прямо сейчас, а три, сейчас все мастера заняты.

Я соглашаюсь ждать — выбора у меня особо нет. Возвращаюсь домой, обедаю — не слишком плотно, не хочу, чтобы пузо вываливалось из платья. Затем возвращаюсь в салон.

Меня встречает приветливая женщина лет сорока. Усаживает в кресло, дивится моим волосам, какие они густые. Затем моет мои волосы снова и начинает умащивать их разными средствами. Волосы становятся тяжелыми и гладкими, потрясающий эффект.

— Собираетесь куда-то? — спрашивает мастер.

— Да, — киваю. — В ресторан.

— Может, вы хотите сделать маникюр?

Смотрю на свои руки с обломанными после уборки ногтями. Боже, и я бы пошла вот с таким...

— О да, — говорю. — Будьте так добры.

Потом я соглашаюсь и на макияж — гулять так гулять. Когда мне наносят тушь, перезванивает Дианка.

— Лера, что произошло? — испуганно спрашивает она.

— У меня фен сломался, хотела плойку у тебя одолжить, — отвечаю.
— Но уже все в порядке.

Дианка цветисто ругается.

— Тьфу на тебя, напугала, зараза! Чего тебе так приспичило именно сейчас? И почему не на работе?

— Макс отпустил на сегодня. Мы вечером в ресторан идем, — довольно добавляю я.

Меня оглушает визг из трубки.

— Лера! Как я за тебя рада! Вот видишь! Я же говорила, что закрутится у вас!

— Ну это еще не факт, он просто...

— Ой, ну хватит скромничать! А что за ресторан?

— Не знаю. Но там еще соберутся его друзья. У него день рождения сегодня, знаешь...

— Овен, — ставит диагноз Дианка. — Упертый, вспыльчивый, но отходчивый. И в постели хорош должен быть.

— Да ну тебя! — смеюсь. — Какая постель?

А сама вспоминаю его руки на моих бедрах. Его тяжелое дыхание. Действительно, какая постель?..

Уже дома эпилирую ноги, мажу их кремом. И тут мой взгляд падает на ногти.

Черт, про педикюр-то я забыла! Смотрю на облупившийся синий лак. Нет, никуда не катит, надо срочно смывать, причем так, чтобы не слез свежий лак на руках.

Я утаскиваю с кухни резиновые перчатки для мытья посуды, предусмотрительно спрятав их под футболку. Мысли гудят, роятся в

голове, пока я торопливо стираю с ногтей старый лак.

Представляю, как буду вышагивать по ресторану под ручку с Максом. Все будут смотреть на меня, улыбаться, и я стану улыбаться им в ответ. Никогда не была на вечерах высшего общества, но мне кажется, что выглядит все именно так: Макс ходит кругами по залу со мной под руку и степенно кивает своим друзьям и знакомым. А те восторженно спрашивают: «Кто эта девушка, Макс? Она великолепна!» И тут я краснею, сдержанно смеюсь и говорю, что они преувеличивают. «Я и не рассчитывала идти в ресторан, Макс буквально вытащил меня из постели...» А Котов смотрит на меня с восхищением, как я, оказывается, умею себя подать! И приглашает на танец...

По-моему, средство для снятия лака разъело перчатки. С шипением стряхиваю их с рук и торопливо осматриваю маникюр. Вроде не повредился, нормально выглядит.

Роюсь в коробке с маникюрными принадлежностями, трясущи лаки, пытаюсь понять, который из них не засох. Живым оказывается лишь один, телесного цвета. Что ж, неплохо, подойдет под платье. Устраиваюсь поудобнее и начинаю красить, высунув кончик языка от усердия.

Боровины сегодня ругаются. Слышно, как всегда, прекрасно. Она обвиняет его в невнимании (не поздравил ее маму с днем рождения), он ее — в глупости (не любит он ее маму, достала она его еще в прошлый раз, когда он ездил чинить ей унитаз, и жить они у нее не будут). Я согласна с обоими и даже хочу подключиться к обсуждению — как-никак я почти член семьи, виртуальный участник их секса и имею право на решающий голос, — как Боровин уходит, хлопнув дверью, и Боровина заливается слезами. Мне даже слегка ее жаль. Плохо, наверное, так не ценить собственное счастье: жить с любимым мужем, который любит тебя в ответ, работает, не пьет и не бьет, в долги не влезает и работает на износ.

Докрашиваю мизинчик и минут двадцать машу на ногти журналом, пока те не высыхают. Вовремя: на кровати звонит телефон.

Это Макс.

— Я готова, — отвечаю с колотящимся сердцем.

— Тогда спускайся, — велит Макс. — Машина ждет.

11. Макс

Скачано с сайта knigomania.org

В моих руках букет цветов. «Эустома», так было написано на ценнике. Заковыристое название, совсем не подходящее этим сиреневым и розовым бутонам с тонкими, как крылья бабочек, лепестками. В букете они перемешаны с ромашками, что придает им еще большую нежность. Красивые и... весенние, что ли?

Этот букет я купил лично. Обычно цветы брал водитель по дороге ко мне: розы он умел выбирать отменно. Даже Марине нравились. Но сегодня я решил выбрать сам. Потому что розы, как мне казалось, не совсем подойдут Лере. Точнее, совсем не подойдут.

Стоп. Вчера я выбирал ей платье и босоножки. Сегодня цветы. Неужели мне так нужно о ком-то заботиться? Или же просто хочется отвлечься от мыслей о Марине? Наверное, так и есть. Не может быть, чтобы я увлекся этой девочкой. Слишком несерьезно. К тому же, она не мой типаж.

Я приоткрываю окно, вдыхаю свежую и влажную весну. По мокрому проспекту проносятся машины, небо все еще светлое на горизонте, но с другой стороны уже накатывает тьма. Не зимняя, угрюмая тьма, а уже прозрачная, высокая, с крапинами звезд.

Может, это весна на меня так действует? В груди что-то сладко сжимается, охватывает предвкушение чего-то нового. Чего-то лучшего, чем было раньше, какой-то невероятной свободы. Хочется все бросить, собрать вещи и уехать. Начать с чистого листа...

Давно я такого не испытывал.

Открывается дверь машины, впуская прохладу, и ко мне на заднее сиденье садится Лера. Увидев меня, она немного теряется. Даже не может с первого раза закрыть дверь, хлопает ею три раза, прежде чем у нее получается.

Похоже, она не ожидала, что я заеду за ней лично.

Или не ожидала увидеть цветы в моих руках?

— Это тебе, — протягиваю букет.

Лера смущается, но все-таки принимает его. Нюхает цветы и расплывается в милой улыбке.

— Красивые. Спасибо.

— Пожалуйста, — отвечаю, почему-то тоже чувствуя себя неловко.

— Ты тоже очень красива сегодня.

Лера бросает в мою сторону быстрый взгляд и краснеет. Снова нюхает цветы.

Мы как будто на первом свидании.

Лера выглядит превосходно. Я думал насчет того, чтобы заехать в салон, если она накрадется как-то вызывающе или снова попытается что-либо выкинуть. От нее можно было ожидать чего угодно, и я даже приехал с запасом, чтобы осталось время все исправить. Или вообще искать беглянку с полицией и не ехать на чертов вечер имени меня.

Но русалка не подвела. На платье она накинула короткое черное пальто, которое можно будет оставить в машине. Волосы распущены и уложены гладкой волной, струятся по плечам. Накрашена неброско, но теперь ее кожа сияет, а глаза кажутся огромными. Еще немного, и я в них утону. Не сравнить с образом, в котором она явилась ко мне в первый раз. Максимум вкуса, минимум пошлости.

— Как... как мне нужно себя вести? — спрашивает она.

Не понимаю вопроса.

— Спокойно. Как обычно. Не танцевать стриптиз на столах, например.

Лера тихо смеется, прикрыв рот ладошкой. Затем охает, лезет в сумочку и достает пудреницу, проверяет, не смазала ли случайно помаду.

— Жаль, — отвечает. — А я только собиралась зажечь.

— Дома зажжешь, — говорю грубовато и поправляюсь, заметив ее взгляд. — У меня. Если захочешь. Разрешаю потанцевать на варочной панели.

Наверное, это было лишним. Мы снова едем в неудобной тишине.

Лерина нога в разрезе платья так и притягивает мой взгляд. Хочется положить руку на бедро и провести выше, под золотистую ткань.

Нащупать горячее, влажное...

— Я ее поцарапаю, — вдруг говорит Лера.

— Кого? — не понимаю я. Руку? Марину? В голове уже рисуется картина, как Лера царапает Марине лицо. Битва двух самок в вечерних платьях.

— Варочную панель, — отвечает она. Гос-споди, так она про это... Я отворачиваюсь к окну, чтобы Лера не видела мою улыбку. Ну у меня и фантазия.

Мне интересно посмотреть, как Марина на нее отреагирует. Лера будет первой девушкой, которую я выведу в свет после развода. До того я вроде как был одинок и вроде как страдал, что, естественно, тешило Марине самолюбие. Ну а теперь явлюсь с молодой — моложе Марины лет на десять — и красивой спутницей.

Раньше Марина не терпела соперниц, даже прислугу набирала из женщин за пятьдесят, чтобы выглядеть на их фоне королевой. Хотя я никогда не давал ей поводов для ревности. Я был слишком влюблен.

Сейчас же я хочу, чтобы она позеленела. Может, это у меня тоже от любви? Если да, то любовь переродилась в нечто очень нездоровое.

Машина останавливается у «Дюбуа», и я выхожу. Обхожу машину сзади, открываю дверь с Лериной стороны и подаю руку. Лера глядит робко, снизу вверх, и осторожно кладет ладошку в мою ладонь. Такая маленькая и хрупкая...

У входа в ресторан кто-то стоит. Трое: женщина и двое мужчин. Она — высокая, яркая блондинка в черном обтягивающем платье и наброшенном на него полушубке. Небрежно держит алый клатч, а второй рукой жестикулирует, что-то объясняя. Заметив меня, она машет и принимает наиболее выигрышную позу, положив руку на крутое бедро. Ждет, пока мы с Лерой не поднимемся к ней по ступеням.

При взгляде на нее меня выстужает лед.

— Кто это? — шепчет русалка, тут же почуяв неладное.

— Это Марина, — говорю ей, чувствуя, как в горле встал липкий ком. — Моя бывшая жена.

12. Лера

Ко входу в ресторан ведет лестница, на вершине которой стоит эффектная блондинка в обтягивающем платье. Дорогой мех оттеняет оливковый оттенок кожи, грудь в вырезе декольте не меньше третьего размера, в ложбинке поблескивает бриллиант. Рядом с ней молоденький парень, где-то моего возраста.

Еще одна кобра, не иначе. Макс на них везет.

А Макс весь каменеет. Его рука становится жесткой, взгляд напряжен.

— Это Марина, моя бывшая жена, — успевает сказать тихо, пока мы поднимаемся по лестнице.

Бывшая жена! Так он разведен. Понятно. Так вот из-за кого весь сыр-бор. Для кого ты меня наряжал.

Но зачем пытаться утереть нос бывшей? Только если она от него ушла.

Я смотрю на молодого парня рядом с Мариной и все понимаю. Макс обидно, что она променяла его на кого-то помоложе. Даже чувствую злорадство. Обычно так страдают женщины, когда мужики находят им молодую замену. Пускай хоть Макс почувствует, каково это.

Но моя симпатия этой Марине исчезает очень быстро. Испаряется, как вода со сковороды.

— Какая восхитительная простота! — говорит кобра, кивая мне.

Это она кого простушкой назвала?! Меня?! Вот эта вот дама в порно-ночнушке?

Я готова взорваться, вцепиться мегере в лицо, но Макс незаметно жмет мне руку. Остынь, мол.

— Чистота, ты хотела сказать? — поправляет ее Макс явно с каким-то намеком, но Марине это как слону дробина.

— В последнее время ее тяжело найти, — вздыхает она.

— Ты, я смотрю, сумела.

Макс явно имеет в виду парня, который с ней, а точнее возраст этого парня. Марина тут же оживляется.

— Кстати, знакомься, это Серж. Серж, это мой муж...

— Бывший, — поправляет Макс.

— ... Макс Котов. Я рассказывала тебе о нем, — говорит Марина Сержу, а тот кивает с умным видом, который никак не вяжется с его по-детски пухлыми губами. — Макс всегда такой бука.

Она подходит, каким-то волшебным движением вклинивается между мной и Максом и берет его под руку. Р-раз — и я оказываюсь не у дел.

— Позволишь, деточка? Я заберу его ненадолго, — бросает мне Марина и идет с двумя мужчинами ко входу в ресторан. Мне ничего не остается, как топать следом. Одной.

Макс! Какого черта?!

Он оборачивается, чтобы посмотреть, иду ли я следом, и кивком велит следовать за собой. Нет бы отклеиться от этой кобры и взять меня за руку! А я-то на какой-то миг подумала, что правда нравлюсь ему. Что я особенная.

Вот же дура. И как я могла так обмануться?

Внутри Марина поворачивается к Максуспиной, и тот помогает ей снять полушубок. Затем, когда Макс хочет подойти ко мне, она перехватывает его и не спеша поправляет ему галстук. Они словно танцуют давно разученный танец, в котором ведет Марина.

Столы для нас накрыты в отдельной, огороженной ширмой секции ресторана. Народу уйма. Все поздравляют Макса, жмут ему руку, хлопают по плечу. Затем он находит меня взглядом и зовет за собой.

Я сажусь по правую руку от него, Марина тут же садится по левую. Своего мальчика сажает с другой стороны. Вот же змеюка, устроилась между новым мужиком и старым! Сидит и жеманничает, дергает то Макса, то своего паренька почем зря. Вот цирк, честное слово.

А Макс-то хорош! Хотел утереть нос бывшей, а ведет себя как? Помогает ей заказать еду. Наливает вино в бокал. Чуть ли не в попу целует.

Я снова злюсь, закипаю, как чайник.

— Шампанское? — предлагает мне официант, и я охотно беру с подноса бокал. Шампанское потрясающее, сладкое, пузырьки щиплют язык. Ничего, думаю, жмурясь от удовольствия. Хоть попою

и поем вкуснятины на халяву. Надо ценить такие моменты.

Марина и Макс тем временем о чем-то тихо беседуют, склонившись друг к другу.

Ненадолго она его заберет, ха-ха. Марина явно решила приватизировать Макса на весь вечер.

— Вот курица... — бормочу я. Не могу на них смотреть. Так и хочется сделать какую-нибудь гадость, чтобы Максу жизнь малиной не казалась. То, как Марина меня унизила у входа, до сих пор меня не отпускает. Словно я была пустым местом. Никем.

— Что? — переспрашивает симпатичный блондин, сидящий по правую руку от меня. Он не такой крупный, как Макс, но тоже вполне крепкий, пиджак сидит на его плечах, как влитой. Узкое, умное лицо. Волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Милый парень.

— Курить хочу, — говорю я уже громче, и Макс неодобрительно на меня косится. Мне все равно. Пошел бы он...

— Я тоже, — сочувственно кивает блондин, закатывает рукав рубашки и показывает мне пластырь. — Не помогает вообще.

— А, никотиновый, — догадываюсь я, и блондин кивает.

— Он, да. Уже неделю с ним, но мимо курилок в офисе все равно спокойно ходить не могу.

— Я на самом деле не пробовала даже. Но сегодня что-то очень захотелось.

— Понятно. — Он бросает быстрый взгляд на разговаривающих Макса и Марину. Затем протягивает мне руку, ту самую, с пластырем. — Меня Даниил зовут, можно просто Даня. А вас?

Жму его руку, смущенно улыбаясь. Ладонь мягкая, но сильная. Обручального кольца нет.

— Валерия. Можно просто Лера.

— Очень приятно, Лера. Вы с Максом пришли?

Ответ на этот вопрос он и сам знает, к чему спрашивать. Видел же, как мы поднимались по лестнице. Поэтому я просто киваю. Жестом прошу официанта подлить в бокал еще шампанского.

— Повезло ему, — говорит Даня.

— Я бы так не сказала, — говорю, и он хитро щурит зеленые глаза. А они у него красивые: чуть вытянутые к вискам, с длинными светлыми ресницами.

— Может быть, тогда повезет мне?

Я пожимаю плечом.

— Кто знает. Вы чем занимаетесь, Даня?

— Давай на ты. Я архитектор, сейчас работаю по контракту на одного застройщика. А ты?

— А я клининг-менеджер, — говорю.

— Владеешь клининговой компанией?

— Владею шваброй и тряпкой.

— Да ладно?

— Серьезно. Дома убираю, а иногда обношу.

Даня хохочет. Явно не воспринял меня всерьез. Вот так, говоришь людям правду, а они не верят.

— А ты веселая, — говорит.

— Обхохочешься, — мило улыбаюсь я. Ну что ж, веселая так веселая, я только рада стараться.

Ловлю обрывок разговора Макса и Марины. «А помнишь тот вечер, когда мы...» — и Марина что-то шепчет, а потом смеется. Макс хмыкает в ответ. Потом приходит официант, предлагает всем стейки.

— Никаких стейков! — осаживает Макса Марина. — Макс, тебе же нельзя! Помнишь, что врачи сказали?

Макс понуро соглашается, хотя взгляд у него голодный. Вот мамуля нашлась, надо же! Нельзя ему стейков... А ей-то какое дело? Хочется в чем-то его ограничить? Ужасная женщина.

— А мне можно тогда два? — зову я официанта, и на мою тарелку ложатся два дымящихся куска мяса.

— Ого! Неплохо! — восхищается Даня с одной стороны.

— Не много ли? — тихо спрашивает Макс с другой.

— В самый раз, — я качаю пальцем. — А ты не смотри в мою тарелку, тебе ж нельзя. Желудочный сок выделится, гастрит начнется. Помнишь, что врачи сказали?

Глаза Макса полыхают нехорошим огнем, но он молчит и отворачивается.

Я отрезаю кусочек и кладу в рот. Стейк и правда божественный! Даже мычу от удовольствия, и Макс снова косится в мою сторону. Ясно. Хочет, чтобы я вела себя при-лич-но. Я в ответ подмигиваю.

За нашей безмолвной перепалкой наблюдает импозантный седовласый дядечка, который сидит напротив.

Ему я тоже подмигиваю.

— Представишь нас? — тут же просит Макса дядечка. Тот едва зубами не скрежещет. Но вежливый ответ из себя выдавливает.

— Да, конечно. Валерия, это Михаил Борисович, главный спонсор Пушкинского музея.

Главный спонсор приветливо улыбается.

— Здравствуй, — говорю я и делаю еще глоток шампанского.

13. Макс

Не успеваю опомниться, как Марина вцепляется в мою руку, а Лера оказывается где-то позади. Когда я оборачиваюсь, она идет за нами, с растерянностью на лице.

Во мне борются два чувства. С одной стороны хочется отстраниться. Кажется, что рядом с Мариной меня медленно затягивает старое болото, из которого я с таким трудом выбрался. И неудобно перед Лерой. Сам же привел и бросил, джентльмен, называется. Но это ладно, с Лерой я разберусь потом.

С другой стороны, при наших с Мариной общих друзьях и моих бизнес-партнерах надо вести себя прилично. Я не могу взять, скинуть ее руку и прилюдно послать нахер, я же адекватный мужик. Думаю оказаться от нее подальше в ресторане, но и это не выходит — стол один и длинный, Марина усаживается слева и продолжает свою атаку. Приходится улыбаться и вежливо кивать, хотя я просто хочу всё послать к чертям и уехать.

Теперь я вижу насквозь все ее уловки. Дешевые ужимки, вот как это выглядит. Смотрю на нее и вдруг перестаю понимать, как я вообще когда-то на нее клюнул. Это как внезапное озарение, будто очки надел. В кого я был влюблен? Похоже, в какой-то образ, который сам себе выдумал. Еще неделю назад я страдал... А теперь что-то изменилось. Не могу понять, что, но изменилось точно.

Марина щебечет о чем-то своем, а я разглядываю ее «Сержа». Дебильное прозвище для дебила, иначе не скажешь. Глазами лупает, улыбается и поддакивает. Пародия на человека.

— А помнишь, как мы ездили в Эмираты? — говорит тем временем Марина. — Какой был потрясающий круиз.

Она смеется, словно услышала отличную шутку.

— Ты все время жаловалась на обслуживание и еду, — напоминаю я. Про ее флирт со смуглым официантом я предпочитаю не вспоминать.

— Ой, ерунда это все, — она машет рукой. — Все было восхитительно. Ты бы хотел поехать еще раз?

— Я бы много чего хотел, но нет времени.

— Твоя любимая отговорка. — Марина касается моего плеча. — Я их все знаю.

— Прошу, не начинай.

— Нет, что ты. Зачем? Теперь у меня есть мужчина, который уделяет мне все свое время.

Серж. Мужчина. Ха-ха.

Марина придвигается ближе, кладет ладонь мне на бедро. Медленно ведет руку выше. Я чувствую сладкий запах ее духов, вино в дыхании.

— Но по тебе все равно скучаю, — шепчет Марина.

Я бы и рад верить. Но теперь не знаю, по мне ли она скучает или же просто потратила все отложенные деньги. Не думаю, что Серж много зарабатывает.

Зря я сюда пришел.

Беру ладонь Марины и возвращаю на стол.

— Не надо.

— Почему? — мурлычет Марина. Уверена, что получит свое, смотри-ка.

Эта ее уверенность злит еще больше.

— Потому что я не хочу, — отвечаю.

— Ну это дело поправимое.

Я склоняюсь к Марининому уху. Борюсь с желанием ухватить ее за горло и слегка придушить. Ну или не слегка, рука у меня тяжелая.

— Дело это не поправимое, Марина. И я пришел не один. Хватит.

Марина демонстративно откидывается на спинку стула и смотрит на жующую Леру.

— Она не тянет даже на половину девушки.

— Да, она стройнее тебя, это точно.

Удар ниже линии декольте, знаю, но не смог удержаться. Марина на миг вспыхивает, но румянец почти не заметен под слоем вечернего макияжа.

— Хам, — бросает с улыбкой. Если смотреть со стороны и не слышать, что она говорит, можно подумать, что она со мной флиртует.

— Научился, — парирую я.

— Не у девочки ли?

— А это уже неважно.

Марина поджимает губы, но ничего не отвечает. Один-ноль в мою пользу.

Приносят стейки. Хочу их попробовать — салатов мне мало, весь вечер мечтаю запустить зубы в сочный кусок мяса, — но Марина бьет меня по рукам.

— Никаких стейков! Макс, тебе же нельзя! Помнишь, что врачи сказали? — говорит нарочито громко. Лера от ее слов вскидывается, стреляет злым взглядом. Похоже, Марина бесит ее не меньше, чем меня.

У моей бывшей жены талант выводить людей из себя.

— А мне можно тогда два? — зовет Лера официанта. Встать и выйти

хочется еще сильнее. Ну что за детский сад? Соревнование «кто больше сожрет»? Или кто громче поорет?

Хотя чего я ожидал? Сам же создал эту ситуацию. Виноват, блин, а исправить уже ничего нельзя.

— Не много ли? — тихо спрашиваю.

— В самый раз, — бодро отвечает Лера. Бодрость эта какая-то нехорошая, с такой же она выбирала страшные платья в магазине. — А ты не смотри в мою тарелку, тебе ж нельзя. Желудочный сок выделится, гастрит начнется. Помнишь, что врачи сказали?

На миг закрываю глаза. Никогда больше не сяду между двух баб. Одна пьет мою кровь и выклевывает мозг, а другая, похоже, ревнует.

Лера пробует стейк, мычит от удовольствия. Заметив мой взгляд, подмигивает. Потом подмигивает Михал Борисычу, который сидит напротив и уже битых полчаса не сводит с нее масляных глаз.

Да они сегодня сговорились, что ли?!

Меня аж подбрасывает. Теперь я хочу придушить и Леру. Прямо за столом, голыми руками. Хотя, думаю, для ее цыплячьей шейки хватит и одной руки. Как она себя ведет? Мы же все обсуждали, договаривались — никаких выкрутасов. Злость во мне искрится пузырями. Совсем как шампанское в бокале.

— Лера, выйдем на пару минут?

— Поняла. Пойдем, посеCRETничаем, — отвечает Лера, хватая бокал с шампанским и снова подмигивает Михал Борисычу. Тот не теряется, и подмигивает в ответ. Явно настроен на продолжение банкета, пердун проклятый.

Выходим из огороженной части ресторана, проходим через общий зал. Завожу Леру за угол. Получается так, что мы встаем за гигантским горшком, в котором растет пальма. Прячемся за нее, как чертовы дети.

Лера смотрит на меня с вызовом. А глаза-то стеклянные. Мать моя женщина, и когда она успела напиться?

— Ты что творишь? — спрашиваю.

— А ты что делаешь?

— Что? — не понимаю я.

— Ведешь себя, как теленок, — говорит мне Лера, подбоченившись. Меня будто кипятком обдаёт. Вот только ее мнения на этот счет мне не хватало, и без того паршиво.

— В смысле?

— В прямом. В рот ей смотришь.

Что это? Ревность?

Должно быть, Лера не поняла. Она не моя девушка.

— Ты же понимаешь, что мы с тобой не на свидании? — так же тихо отвечаю я.

Ее лицо на миг каменеет, она смотрит куда-то мимо меня. Поджигает пухлые губы, кивает и залпом допивает шампанское.

14. Лера

Я — не его девушка. Действительно, и как я могла об этом забыть.

Отрицать бессмысленно — Марина меня бесит не просто так. Макс мне правда нравится — не только как мужчина, но и как человек. Он честный, открытый, привлекательный. Похоже, добрый, хоть и вспыльчивый, все, как предсказывала Дианка. И я ревную. Так-то.

Попала ты, Лера. Победитель по жизни, вечно западаешь на неправильных мужчин. Видишь же, что сердце его уже занято, куда лезешь?.. Один тебя уже использовал, чтобы получить денег, теперь использует второй, чтобы насолить бывшей. Точнее, чтобы вернуть ее интерес, и у него это прекрасно вышло. Отлично, ничего не скажешь.

Но с другой стороны, зачем было дарить цветы? Говорить комплименты, потом про танцы на плите и приглашать сюда, в конце концов? Смотреть вот так, как он смотрит на меня сейчас? Безразличием здесь и не пахнет.

Злость на себя и на Макса просто сносит мне крышу. Бесит эта его мягкость! Раз развелся, раз она тебя пользует, так очнись, тряпка! Не созванивайся с ней, не встречайся, не заглядывай ей в рот! «Она тебя не достойна», — хочется заорать, но я не могу.

Я же не его девушка. Я даже не его друг.

— Мы с тобой не на первом свидании, — говорю. — Но и твоя бывшая не одна пришла, верно?

Макс скрещивает руки на груди.

— И что?

— А то, что она ведет себя, как собака на сене. Завела себе нового мужика, ну и живи с ним спокойно. Чего она к тебе-то лезет?

Он щурит глаза. Смотрит на меня, как орел на мышь.

— Рад, что ты так за меня переживаешь.

— Я не за тебя переживаю. Просто неприятно смотреть, когда мужик ведет себя, как размазня.

— Как размазня? — тихо свирепеет Макс.

— Именно. Она крутит тобой, а ты ведешься. Меня отшлепать не постеснялся, а здесь прям перднуть лишний раз боишься. Изображаешь хорошего мальчика?

— Выбирай слова.

— Какие хочу, такие и выбираю. Ты именно так и выглядишь. Ты у нее, как пудель дрессированный.

— Хватит, — выдыхает Макс.

— Она достанет обруч, скажет прыгать, и ты прыгнешь.

— Прекрати.

— Ап, Тузик!

Он хватает меня за плечи и резко вжимает в стену. Нависает надо мной, склоняется так близко, что я чувствую его тяжелое дыхание на своих губах. От его близости у меня снова тяжелеет в низу живота. В груди ворочается раскаленный стеклянный шар.

Глаза в глаза, вот как мы стоим. Я медленно кладу ладони Макс на грудь. Не знаю, чего хочу: оттолкнуть или схватить за рубашку и притянуть к себе.

Макс не отстраняется. Пальцами я слышу частый стук сердца под тонкой тканью его рубашки. Чувствую, как напряглись мышцы.

— Замолчи, — рычит он.

— А что ты сделаешь?

— Отшлепаю.

Напугал ежа...

— Да ну ладно, не впервой...

Смотрю на его губы. Интересно, какие они на вкус? И как он целуется?

Я не его девушка, это я уже поняла, но все-таки хочу, чтобы он снова прикоснулся ко мне, как тогда. Почувствовать тяжесть его рук на своих бедрах.

Кажется, шампанского мне хватит.

— Я Марине не Тузик, — продолжает Макс. — И я не прыгаю по ее указке, не нужно преувеличивать.

Качаю головой.

— А со стороны выглядит именно так.

— Может, так выглядит только для тебя? — предполагает Макс.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ревнуешь.

Мимо нас к туалету проходит одна из гостей, и Макс умолкает. Обменивается с женщиной дежурными улыбками и кивками.

— С самой минуты, как мы приехали сюда, ты надулась, — продолжает, когда та исчезает за дверью туалета. — Хотя я ничего, понимаешь, ничего тебе не обещал.

И ничего я не надулась! Больно мне надо на него обижаться...

— Я не надулась, мне плевать.

— Как скажешь. А мы с Мариной разведены. Теперь просто друзья.

Слово «друзья» он чуть ли не выплевывает.

— Эта «просто подруга» тебя использует. Манипуляторша она.

— Тебе-то откуда знать? — Макс опирается на стену и склоняется к моему уху. От его дыхания, от тихого низкого голоса у меня начинают слабеть ноги. Очень некстати... — Использует она меня или нет. Меня ты не знаешь, и Марину, между прочим, тоже. А пришла и за один час всё про нас поняла, да?

— Ты что, ее защищаешь? Да она с самого нашего появления ведет себя, как полная стерва! Это с ней надо...

— Нет, не защищаю. И это. Не. Твое. Дело, — чеканит Макс, а его глаза чернеют, из синих становятся чернильно-темными. — Мы с тобой приехали сюда, как спутники. Как деловые партнеры, если это можно так назвать.

Деловые партнеры, ха-ха.

— И много деловых партнеров ты отшлепал на колене?

— Я уже извинился за это. Или, думаешь, я теперь на тебе жениться должен?

Его слова причиняют боль, разъедают хуже кислоты. Почему все так непросто?

— Ничего я не думаю, — говорю сквозь зубы. — И будь добр, если затеял этот цирк, так хотя бы притворись, что я тебе нравлюсь.

Отталкиваю Макса, щелкаю каблуками и ухожу.

Готовься, Максим Котов. Свой день рождения ты запомнишь надолго. Я не люблю, когда меня выставляют дурой.

15. Макс

Лера уносится, высекая каблуками искры из пола, а я приваливаюсь к стене и перевожу дух. Думал, кроме Марины никто не в состоянии так вывести меня из равновесия — но нет. У русалки получается даже лучше. И ощущения странные: с одной стороны я зол, как черт, а с другой в штанах стоит колом. Хорошо, Лера не заметила.

Еще немного, и я бы поцеловал ее. Нет, не так. Я бы ухватил ее за подбородок — крепко и больно — и проник бы в рот языком. А потом задрал бы тонкую ткань платья и трахнул прямо здесь, за пальмой. Вколачивался так, что Лера стонала бы на весь ресторан.

Сжимаю пальцами переносицу. Выдыхаю. Спокойно, не нужно терять голову. Помни, кто твоя русалка, и как вы с ней познакомились.

Когда желание утихает, я возвращаюсь в зал, сажусь на другое место, подальше от Марины. Ловлю ее взгляд, и она тут же зовет меня к себе, жестами показывает, что ей что-то срочно нужно. Я такими же

жестами показываю, что не могу, болит нога и занят разговором с Юлием из «Уралмаша», которого на самом деле на дух не переношу. Марина обиженно куксится. Да и пошла бы она, мне уже не интересны ее игры. Даже Юлий и тот веселее.

— ... И маржа в таком случае превышает процент прошлого года, а это сам понимаешь... — увлеченно рассказывает мне он. Я киваю, изображаю, что увлечен темой маржи не меньше.

Лера тем временем пробирается бочком к небольшой сцене в углу. Поднимается на нее, придерживая юбку, затем трогает пальчиком микрофон. Тот выключен, колонки не издают ни шороха. Тогда Лера берет со стола бокал с шампанским и вилочку.

Я холодею. Да что она задумала?

Она стучит вилочкой по бокалу, и собравшиеся в зале постепенно умолкают. Лера довольно кивает, когда взгляды устремляются к ней. Отдает вилочку официанту и премило улыбается.

— Дамы и господа, — начинает она, — Вы, наверное, меня не знаете, — на этом она хихикает, и все невольно улыбаются в ответ. — Но я очень хотела с вами познакомиться, и Максюша привез меня сюда.

Она выразительно хлопает глазами. Накручивает локон на палец.

У нее потрясающий талант изображать дурочку. И откуда прорезался этот голос? Писклявый и противный. Актриса погорелого театра, чтоб ее.

— Я очень рада, что друзья у Максюши оказались такими... — Она на миг умолкает, словно подбирает слова, — добрыми. И красивыми.

На этом Михал Борисыч начинает восторженно хлопать, и Лера смущенно машет на него рукой.

— Спасибо! Большое спасибо! И я хочу со всеми вами поздравить его с днем рождения. — Она смотрит на меня. — Максюшенька, любимый мой, поздравляю тебя с сорокалетием...

— Мне исполнилось тридцать шесть, любимая, — поправляю ее с улыбкой. Придушить. Придушить поганку.

— Ой... — Она смеется, прикрыв рот ладошкой. — Тридцать шесть, да. В общем, поздравляю тебя с твоим трицатише... Трицатешу... С твоим днем рождения, — наконец заключает она. — Ты — свет в моем оконце, ты озарил мою жизнь! Огонь твоей любви поджег меня

и заставил гореть!.. И наши ночи...

— А она у тебя веселая, — шепчет мне на ухо Данила, каким-то образом оказавшийся рядом.

«Молчи. Просто молчи, блин», — велю ему мысленно.

— Она — особенная девочка. Что ни день, то праздник, — бросаю ему. Ловлю взгляд Леры и жестом велю ей слезать со сцены.

— Да, любимый, я тоже тебя люблю! — восторженно пищит Лера, прижимает руки к груди. — И в эту честь хочу прочитать стихи!

У, да пропади ты пропадом, зараза...

— Когда моя роза цвела на морозе... — начинает она, закатив глаза к потолку. Я же просто отключаюсь от происходящего. Нет, это всё не со мной. Это просто кошмар, сейчас прозвенит будильник, и я проснусь.

Но будильник не звонит.

— ... И на память сердечко дарю, — заключает Лера.

Все аплодируют, кто-то смеется, кто-то переговаривается, поглядывая на меня. Чувствую себя так, будто у меня вдруг выросли рога. Кошусь на Марину... Хотя они у меня давно выросли, большие и ветвистые.

Марина смеется, стреляет глазами в мою сторону. Явно злорадствует.

Надо заканчивать это шоу.

Я поднимаюсь с места, под свист и овации пробираюсь к сцене и подаю Лере руку.

— Благодарю тебя, — говорю громко, улыбаюсь в зал. Лера смеется, прикрыв рот ладошкой.

«Поцелуй меня, идиот», — слышу ее сердитый шепот.

Черт, и ведь она права. Как-то нелогично будет не поцеловать девушку после такого поздравления. Надо это сделать хотя бы для того, чтобы она наконец умолкла.

Прижимаюсь к Лериным губам. Они мягкие, пахнут сладкой ванилью, и я невольно кладу руку ей на талию, притягиваю к себе. Лерин язычок шустро обводит мою губу. Ее соски торчат двумя горошинами, чувствую их через рубашку.

Теперь я думаю лишь о том, чтобы у меня снова не встал уже у всех на виду. Думать о дохлых енотах. Дохлые грязные еноты, они совсем не сексуальны...

Когда мы садимся на место, я с облегчением выдыхаю. Очень зря, как оказалось.

— Какая вы замечательная пара, — говорит Марина в уже включенный микрофон. Видимо, догадалась попросить официанта разобраться с техникой. — Я очень рада за тебя, Макс.

У меня начинает дергаться глаз. Пытаюсь его унять, но не получается. Смотрю на Леру — та вовсю веселится. Спровоцировала драчку и радуется, улыбается, как голодный аллигатор.

— И мы с Сержем, Данилой Снежинским и Лимоновыми, — Лимоновы оборачиваются и машут мне рукой, — решили подарить тебе два билета на круиз в Эмиратах. А мы составим тебе компанию.

Так вот к чему были все эти разговоры. Она спланировала все заранее, еще и друзей приплела. Для чего? Хочет меня вернуть?

— Стихов я, к сожалению, не приготовила. — Все дружно смеются, а я нахожу под столом узкую ладонь Леры и сжимаю. Только бы русалка ничего не выкинула. — Но обещаю, что ты круто проведешь время, если поедешь.

Никуда я не поеду, надоел этот цирк. Надо отказать, чем скорее, тем лучше.

— Спасибо. Это фантастический подарок, но... — начинаю, однако Лера меня перебивает. Ее ясный голос разносится по залу.

— Мы поедем. Максюша давно хотел свозить меня на море. Правда, милый?